

Владимир Медведев

ИМПРОВИЗАЦИИ НА ТЕМУ ПСИХОАНАЛИЗА

Владимир Медведев

**Импровизации
на тему психоанализа**

«Издательские решения»

Медведев В. А.

Импровизации на тему психоанализа / В. А. Медведев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-932251-7

Перед вами — импровизации психоаналитика, написанные в жанре свободного ассоциирования. Это своего рода «живой психоанализ», реактивно, в режиме «здесь и сейчас», отзывающийся на события внешней и внутренней жизни. Книга адресована всем, кто прикоснулся к бессознательному: случайно, вынужденно — в силу профессии, или же намеренно, исследуя себя... Прикоснулся, удивился, ужаснулся и задумался: как теперь с этим жить и что теперь с этим делать. Автор книги размышляет о том же...

ISBN 978-5-44-932251-7

© Медведев В. А.
© Издательские решения

Содержание

АВТОРСКОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ	8
ИМПРОВИЗАЦИИ НА ТЕМУ ПСИХОАНАЛИЗА	12
ВВЕДЕНИЕ. ОБ ИЗНАЧАЛЬНОМ ПСИХОАНАЛИЗЕ	12
1. О МУДРОСТИ ПСИХОАНАЛИТИКА	13
2. ПСИХОАНАЛИЗ КАК ОСОБЫЙ ТИП САМООТНОШЕНИЯ	14
3. ПСИХОАНАЛИЗ КАК РЕЛИГИЯ	15
4. ПСИХОАНАЛИЗ КАК СПЕЦИАЛЬНОСТЬ	16
5. ПСИХОАНАЛИЗ КАК ЗНАНИЕ	17
6. ПСИХОАНАЛИЗ КАК ТРАВМАТИЧЕСКИЙ ОПЫТ	18
7. ЛИЧНЫЙ АНАЛИЗ	19
8. ОБ АМБИВАЛЕНТНОСТИ «ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ»	20
9. «ПСИХОАНАЛИТИЧНОСТЬ» КАК «НЕ-ВЕЖЕСТВО»	22
10. ОБ ОБУЧЕНИИ ПСИХОАНАЛИЗУ...	23
11. ЦЕЛЬ ПСИХОАНАЛИЗА	25
12. ПСИХОАНАЛИЗ КАК НЕОМИФ И КАК ПОСТМИФ	26
13. ЭРОС ГОРАЗДО СТРАШНЕЕ ТАНАТОСА...	27
14. ПСИХОАНАЛИЗ И АНАЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ	28
15. РОДОВЫЕ ПУТИ В ПСИХОАНАЛИЗ...	29
16. «РУССКОСТЬ» КАК СНОВИДЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ	30
17. ПСИХОАНАЛИЗ И ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОТЕРАПИЯ	32
18. О ЗНАЧИМОСТИ РЕЛИГИОЗНОГО ДИСКУРСА В ПСИХОАНАЛИЗЕ	33
19. КАК ПОСТИГНУТЬ ПРИРОДУ И СМЫСЛ ПСИХОАНАЛИЗА	34
20. ФРЕЙДИЗМ КАК РЕЛИГИОЗНАЯ ПРАКТИКА ПРЕДЕЛЬНО ПРОСТ...	35
21. ПОДУМАЛОСЬ...	36
22. УРОВНИ БЫТОВАНИЯ ПСИХОАНАЛИЗА	37
23. ПОДУМАЛОСЬ...	38
24. МИССИЯ ПСИХОАНАЛИЗА КАК ДЕЯТЕЛЬНОЕ ПОКАЯНИЕ	39
25. РЕЛИГИОЗНАЯ ПРИРОДА ПСИХОАНАЛИЗА КАК ТАЙНА	40
26. О ПСИХОАНАЛИЗЕ КАК ПРОФЕССИИ	41
27. О ПОСТАНАЛИТИЧЕСКИХ ЛЮДЯХ БЕЗ ВРАНЬЯ И КРИВЛЯНИЙ	42
28. ПАРАДОКСЫ НЕВОЗМОЖНОЙ ПРОФЕССИИ: ПСИХОАНАЛИТИЧНОСТЬ КАК ТОВАР	44
29. ПСИХОАНАЛИЗ И БУДДИЗМ	46
30. ПРОЗРЕНИЕ ЭДИПА...	47
31. О ВОЗМОЖНОСТИ «ОБУЧАТЬ ПСИХОАНАЛИЗУ»...	48
32. ПОДУМАЛОСЬ...	49
33. В БОРЬБЕ ЗА ЛИБИДО, или ПСИХОАНАЛИЗ О «ДОМОГАНЬЕ»	50

34. О СОПРОТИВЛЕНИИ ПРИОБРЕТЕНИЮ ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОГО ОПЫТА	52
35. О КРИТЕРИЯХ «ПСИХОАНАЛИТИЧНОСТИ»	53
36. ДЛЯ МЕНЯ ПСИХОАНАЛИЗ ЕСТЬ...	54
37. О ТРАВМАТИЧЕСКОМ ОПЫТЕ	55
38. О ПСИХОАНАЛИЗЕ КАК «ЗАРАЗЕ» и «АНТИ- ЗАРАЗЕ»...	56
39. ОБ АКТУАЛЬНОСТИ «РОЖДЕНИЯ ВО ФРЕЙДЕ»...	57
40. ПРАЗДНИЧНОЕ	58
41. ОТВЕТ ОЛЬГЕ ОДИНЦОВОЙ	59
42. ДАРЫ ПСИХОАНАЛИЗА	60
43. ПОДБЕРУ МУЗЫКУ К СЕБЕ: ПСИХОАНАЛИЗ КАК НАСЛАЖДЕНИЕ	61
16. КАК РАССКАЗЫВАТЬ О СМЫСЛЕ ПСИХОАНАЛИЗА ПОСТОРОННИМ...	62
45. ДОСТОЕВСКИЙ...	63
46. О ВЕЧНЫХ ПАЦИЕНТАХ	64
47. ПСИХОАНАЛИЗ РОЖДАЕТСЯ И ЖИВЕТ ТОЛЬКО В...	65
48. В ОСНОВЕ ВОЗМОЖНОСТИ ПСИХОАНАЛИЗА КАК ПРОФЕССИИ ЛЕЖИТ...	66
49. И СНОВА – ДОСТОЕВСКИЙ	67
50. ОБ ОБРАТНОЙ СВЯЗИ ПРИ ПОПУЛЯРИЗАЦИИ ПСИХОАНАЛИЗА (ответ Екатерине Затримайловой)	68
51. АФИНЫ И СПАРТА: ОДНО ДЕТСКОЕ ВОСПОМИНАНИЕ БОРИСА ДЖОНСОНА	69
52. ГОЛОСУЮТ ЛИ ПСИХОАНАЛАИТИКИ НА ВЫБОРАХ?	72
53. О ЖИВОМ ПСИХОАНАЛИЗЕ И ЕГО МЕРТВЫХ ПРОРОКАХ	74
54. ЗАНИМАТЬСЯ ПСИХОАНАЛИЗОМ... ВОПРОСЫ БЕЗ ОТВЕТОВ	76
55. О ДИСКУРСЕ ЛАКАНА	77
56. ПЛАТОН И АРИСТОТЕЛЬ	78
57. ШЕКСПИР	79
58. ПРОБЛЕМА «ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИХ ДЕМОНСТРАЦИЙ»	80
59. ПСИХОАНАЛИЗ И РЕЛИГИЯ	81
60. МИФОЛОГИЯ	82
61. ОБ ОДНОМ СОВРЕМЕННОМ МИФЕ	83
62. ОБ ЭДИПАЛЬНОЙ СЛЕПОТЕ	84
63. О МОНАДЕ И «ДИКИХ» ПСИХОАНАЛИТИКАХ	85
64. ОБ ИНТЕРЕСЕ МАТЕМАТИКОВ К БСЗ	86
65. ПОДУМАЛОСЬ...	87
66. ПРОБЛЕМА «ДЕМОНСТРАЦИОННЫЙ СЕССИЙ»	88
67. О СЧАСТЬЕ И НЕСЧАСТЬЕ	89
68. ПСИХОАНАЛИЗ И СЕКСУАЛЬНОСТЬ	90
69. ЕСТЬ ВОПРОСЫ К ПСИХОАНАЛИТИКУ?	91
70. ВЫБОР КАК ТРАВМА	92
71. МЕМУАРЫ	93
72. ЗАКОН О ПСИХОАНАЛИЗЕ	94

73. НЕ-ЛЮБОВНЫЙ ТРЕУГОЛЬНИК	95
74. ПСИХОАНАЛИЗ КАК ИЗБАВЛЕНИЕ ОТ ИЛЛЮЗИЙ	96
75. О ПОДГОТОВКЕ ПСИХОАНАЛИТИКОВ	97
76. ФРЕЙД И ЛАКАН	98
77. МЕТАФОРА О НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ ПСИХОАНАЛИЗА В РОССИИ	99
78. ФРЕЙД И РОССИЯ	100
79. О ПСИХОАНАЛИТИКАХ-ИССЛЕДОВАТЕЛЯХ	101
80. О ПСИХОАНАЛИЗЕ «НА НОВОМ МЕСТЕ»	102
81. О ТРЕНИНГОВОМ АНАЛИЗЕ	103
82. ОБ ИСТОКАХ РОССИЙСКИХ УСПЕХОВ ЛАКАНИСТОВ	104
83. О НАЦИОНАЛЬНОСТИ БСЗ	105
84. ВСЕ МЫ – ПОБЕДИТЕЛИ...	106
85. О ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИХ ИГРАХ	107
86. БРЕНТАНО	108
87. ВУНДТ	109
88. О ДЕМОНАХ БСЗ	110
89. ЗАЧЕМ МЫ ПИШЕМ НЕЧТО ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОЕ	111
90. СПАСИБО ПСИХОАНАЛИЗУ	112
91. ИМЯ ПСИХОАНАЛИЗА	113
92. МИФ ПСИХОАНАЛИЗА	114
93. ПСИХОАНАЛИЗ И ПОЛИТИКА	115
94. ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКАЯ ТРОИЦА КАК КАРТИНКА- РАСКРАСКА	116
Конец ознакомительного фрагмента.	118

Импровизации на тему психоанализа

Владимир Александрович Медведев

© Владимир Александрович Медведев, 2018

ISBN 978-5-4493-2251-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

АВТОРСКОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

Признаюсь – я не писал эту книгу...

Она написалась сама, родилась в живом общении на психоаналитические темы с коллегами-психоаналитиками, с представителями смежных профессий – психологами, психотерапевтами, психиатрами, а также – с людьми, далекими от практик соприкосновения с бессознательным, но интересующимися психоанализом, пытающимися понять его, как-то для себя сформулировать и на себя примерить.

Особенности моей «психоаналитической ориентации», совмещающей в себе верность классическому фрейдовскому психоанализу и активную приверженность проекту возрождения и развития российской психоаналитической школы, для многих моих собеседников выступала и выступает поводом для заинтересованного общения, часто – для возражений и споров.

В спорах, вроде бы, должна рождаться истина, но не в данном случае.

В пространстве психоанализа вообще нет никаких истин; у нас все текуче и предельно субъективно: все только о себе, все возникает реактивно, существует только здесь и сейчас...

Это «здесь и сейчас», переживаемое нами, подключается ко всей совокупности нашей памяти (осознаваемой и неосознаваемой), отзывается эхом на всех глубинных уровнях нашей психической организации, и... уходит в эти глубины. Мертвеет там, превращается в бесплотную тень, становится прошлым опытом, который оживает только при его случайной символической актуализации.

Оживает, когда кто-то или что-то напомнит нам о нем, наполнит эту тень живым смыслом и выплеснет ее в мир в качестве желания, поступка или идеи.

Вот такими идеями, поднимавшимися в последнее время из глубин моей Души и вызванными к жизни моими реакциями на те или иные события или мысли, я и наполнил эту книгу.

Содержание ее полностью соответствует названию: это и вправду несколько сотен импровизаций на тему психоанализа.

Они никак не связаны между собой, т.е. для вас – не связаны. А для меня все они являются маленькими паззлами единой картины моей «психоаналитичности», т.е. того результата многолетнего «прохождения психоанализа», который сформировался у меня на сегодняшний день.

Но вам эта картина недоступна и потому каждый из ее фрагментов, высланных мною на страницы этой книги в произвольном порядке, ценен, как мне представляется, сам по себе – теми ассоциациями, мыслями, чувствами, которые он у вас вызовет, воспринимаемый в любом варианте: от заинтересованного принятия до полного отторжения.

Главное, и я в этом уверен, эти мои импровизации никого не оставят равнодушным.

Почему я так считаю?

Прежде всего потому, что реакция на них проверена в ситуации их первого, изначального, появления на свет. Я отобрал для вас из множества своих коротких эссе и заметок, отдельных мыслей и рассуждений, написанных в последнее время, именно эти, потому что они все без исключения вызывали достаточно бурную реакцию у моих собеседников. Становились поводом для обсуждений, взаимных инсайтов, порою – для ожесточенных интеллектуальных столкновений и даже эмоциональных штормов немалой «балльности». Но равнодушными они не оставляли никого...

К тому же все мои импровизации в той или иной степени провокационны, ведь я в них проговариваю то, что принято скрывать от чужих глаз и ушей, когда мы публично говорим о психоанализе.

И прочитав эту книгу, вы узнаете о «внутренней кухне» психоанализа, о множестве интимных тайн, которые связаны с нашей «психоаналитичностью» как психическим состоянием, профессией и образом жизни, о разногласиях, разрывающих ныне единое ранее психоаналитическое сообщество, о проблемах, связанных с развитием психоанализа в России... Короче – обо всем том, что не принято выносить на публику из нашей «психоаналитической избы».

Не принято – а зря... Можно хранить равнодушное молчание, лишь многозначительно улыбаясь друг другу, подобно нашим античным коллегам – авгурам, когда психоаналитический миф прочно вошел в культуру, а психоаналитические практики стали привычным элементом обыденной «заботы о себе».

Но если это пока что явно не так, если мы видим фоновое сопротивление отечественной культуры уже не первой попытке навязать ей привозные варианты теории и технологии работы с бессознательным, если все опять нужно начинать с самого начала и выращивать отечественный психоанализ на российской почве естественным образом – «путем зерна», то о проблемах психоанализа и «психоаналитичности» нужно не молчать, а говорить.

И говорить, вовлекая в этот разговор как можно большее количество заинтересованных людей; желательно – всех тех, кто вообще понимает, о чем тут идет речь.

Ведь где мы найдем заинтересованность в контактах с бессознательным, в ком обнаружим талант деятельного соприкосновения с последним – заранее никто сказать не может. В начале 90-х, когда психоаналитический проект в очередной раз пришел в Россию, кто только на него не откликнулся: от философов (к которым и я себя тогда причислял) до инженеров-электротехников, начальников поездов и учителей географии.

И все они (а точнее – все мы) отозвались тогда на зов живого психоанализа: не книжного, не дидактического, и тем более – не профессионального, а живого, т.е. происходящего с нами здесь и сейчас. Пугающего и привлекательного, интересного и отталкивающего, влезающего в Душу и играющего с нашими телами...

Таким вот живым психоанализом я и наполнил для вас эту книгу. Живым потому, что я превращал в текст живые, буквально – новорожденные, мысли, чувства и желания.

Возможно, я был в ней излишне откровенен, но пожалею об этом как-нибудь потом.

Книгу эту можно читать с любого места; на какой странице вы бы ее ни открыли – там будет ждать вас дверка в пространство «психоаналитичности», за которой открывается целый мир. Мир, радикально отличающийся от нашей обыденности, считающийся даже ее негативом, мир, местами страшный, но по-своему красивый, интересный и даже местами уютный. Особенно для тех, кто не просто с любопытством поглядывает в сторону здания психоанализа, построенного некогда Фрейдом, а уже живет в нем и работает, либо – претендует на поселение и прописку.

Главное же в том, что эта книга задает читателю множество вопросов (которых в моих импровизациях гораздо больше, чем утверждений или гипотез).

А сформулировать новые вопросы там, где все вроде бы договорились о некоем понимании и спрятались за ним, как за стеной, от того, что Фрейд назвал «истинно реальным психическим», это – дорогого стоит!

Уж поверьте...

Ну вот. Я сказал, что хотел сказать тому, кто решился открыть эту книгу.

Теперь наши пути расходятся.

Вы, я надеюсь, потратите небольшую часть своей жизни на поглощение и «переваривание» моих импровизаций, содержащих все то, что меня волнует здесь и сейчас по поводу психоанализа. Психоанализа во мне, психоанализа в вас, психоанализа в России, психоанализа как культурного феномена мирового масштаба.

Признаюсь – я не писал эту книгу...

Она написана сама, родилась в живом общении на психоаналитические темы с коллегами-психоаналитиками, с представителями смежных профессий – психологами, психотерапевтами, психиатрами, а также – с людьми, далекими от практик соприкосновения с бессознательным, но интересующимися психоанализом, пытающимися понять его, как-то для себя сформулировать и на себя примерить.

Надеюсь, что и вам все это тоже интересно. И мои импровизации станут поводом для того, чтобы в поле этого интереса попали новые, ранее скрытые от вашего внимания, аспекты психоанализа и «психоаналитичности». А те метафоры, которыми мои заметки вас наполнят, позволят ухватить в представлении и мысли те сферы нашего опыта, которые непосредственно соприкасаются с бессознательным и ранее были вам не доступны.

Ну а я буду развивать свою «психоаналитичность» дальше, с готовностью принимая и ее удары, и ее дары. Среди последних, кстати говоря, самый главный – это именно творческий дар. Благодаря которому и рождаются в фоновом режиме такие вот импровизации.

Сегодня родилась вот эта; ею и завершаю предисловие к книге:

«БСЗ есть то самое Нечто, к которому мы неявно обращаемся, когда заслуживаем боли и смерти... Это своего рода садист и киллер, которому мы себя заказываем. Но с помощью ПА можем попытаться отменить этот заказ или, по крайней мере, отсрочить его исполнение».

25 июля 2018 г.

Санкт-Петербург

* * *

Хочу перед лицом читателей поблагодарить мою жену Ирину за ее долготерпение и поддержку. Без нее эти кусочки никогда бы нерослись и не стали книгой.

И большое спасибо всем моим собеседникам, общение с которыми породило эти мои реактивные импровизации на тему психоанализа.

Особо подчеркну продуктивность общения с Владимиром Смирновым, Яной Дубейковской, Александром Савченковым, Ярославом Коряковым, Юлией Метельской, Вадимом Барсуковым, Ольгой Одинцовой, Суреном Каспаряном, Марией Машовец, и многими-многими другими...

* * *

Тех читателей, которые пожелают продолжить знакомство с моими психоаналитическими размышлениями, я приглашаю на свой персональный сайт – www.medvedevvladimir.ru

Там выложены в свободном доступе многие мои статьи и отрывки из книг.

Все мои публикации по прикладному психоанализу, вышедшие в свет в ежегодниках «Russian Imago. Исследования по психоанализу культуры» можно прочитать и обсудить на интернет-портале данного проекта – www.russianimago.com

Ну а всех тех, кто захочет «живьем» послушать мои психоаналитические импровизации, приглашаю в наш Санкт-Петербургский психолого-аналитический центр.

Информацию об организуемых центром лекциях и семинарах можно найти на его сайте – www.spbanalytic.ru – или на репликах этого сайта во всех социальных сетях.

* * *

И, напоследок, о тех сокращениях, которые я использовал в этих своих импровизациях (без особого умысла, просто для краткости):

ПА – это «психоанализ» в его изначальном понимании, т.е. как нечто производное от личности, судьбы и наследия Зигмунда Фрейда;

ЗФ – это Зигмунд Фрейд, но не как человек (в этом качестве он именуется без сокращений), а как персонификация психоанализа (ПА), олицетворение его смыслов, концепций и процедур;

БСЗ – это «бессознательное»; для пояснения тут можно написать еще одну книгу импровизаций (Лакан, говорят, генерировал новое определение БСЗ ежедневно); но вкратце все же поясню – речь идет о БСЗ как субъекте управляющей и карающей воли, производной от опыта выживания наших предков и нашего опыта индивидуации;

ФБ – это Фейсбук, та самая сетевая среда, индивидуальное и групповое общение в которой реактивно породило у меня основную массу данных импровизаций; прямо как в сказке: забросил сеть в глубины своей Души и вот он – чудесный улов...; только тут наоборот – Душу забрасываешь в Сеть, но это уже детали лова, а результат все равно налицо;

МПА – это IPA, т.е. «International Psychoanalytical Association» («Международная психоаналитическая ассоциация»), в сокращенном написании ее наименования, переведенного на русский язык; но не сегодняшняя IPA, которую я в тексте книги так и обозначаю, а та МПА, которая была создана Фрейдом, Юнгом и Ференци, возглавлялась, после ухода Юнга, поочередно членами Тайного комитета и отличалась от нынешней IPA примерно так же, как организация христианской общины времен проповеди Христа и деяний Апостолов отличается от современной церковной организации.

НФП – Национальная Федерация Психоанализа; самое представительное российское психоаналитическое сообщество, созданное в 1997 году решением ряда московских и питерских психоаналитических организаций; была ликвидирована в 2007 году с связи с принудительным слиянием с ЕКПП;

ЕКПП – Европейская конфедерация психоаналитических психотерапий; организация, членами которой являются многие мои собеседники, в связи с чем она часто упоминается в моих импровизациях как пример «медикоцентристского» отклонения от классической «психоаналитичности».

ИМПРОВИЗАЦИИ НА ТЕМУ ПСИХОАНАЛИЗА

ВВЕДЕНИЕ. ОБ ИЗНАЧАЛЬНОМ ПСИХОАНАЛИЗЕ

Психоанализ изначально был попыткой сохранить на пороге 20-го века верность исторической и культурной традиции в мире, сходящем с ума и начинающем игры на запретной ранее территории неосознаваемых влечений.

Психоаналитики первыми научились прорабатывать эти влечения у себя и получили право уводить из социума людей, воспаленно заряженных ими (и покрывавшихся симптомами как подросток прыщами), в маленький мир своих кабинетов, где под чутким присмотром решали этим влечениям вербально и эмоционально воплощаться.

Так, повторяю, все было изначально. Но времена изменились, и сегодня практически все запреты сняты (причем во многом – как раз благодаря психоанализу). И запретные ранее влечения, реализовавшись, сформировали и новую культуру, и новую цивилизацию, и подключенного к ним нового человека.

Чем же мы теперь занимаемся в тиши своих кабинетов? По какому образу и подобию творим свои маленькие миры и чем заманивает туда их обитателей?

Тут есть много ответов, ведь каждый, кто переступает порог такого кабинета видит там только то, что сам туда и приносит.

Для меня же этот наш маленький мир есть своего рода резервация, где хранится память о том, еще не новом, а ныне – «ветхом» мире, с его уже забываемой «инаковостью»: иными формами общения, иным языком, иными смыслами, иными ценностями, иными символами. И иным, телесным, а не «гаджетовым», типом подключения людей друг к другу.

Эта память, эта своего рода «резервная копия» классической человечности, переставшей воспроизводиться естественным путем в начале прошлого века, изначально была демонстрацией нормы, на которую, как на камертон, настраивались оттаскиваемые от нее временем, но тянущиеся к ней, страдалцы. Позднее она стала своего рода лекарством, все увеличивающиеся дозы которого помогали людям, желавшим оставаться людьми в классическом понимании этого состояния, делать это несмотря ни на что. Потом она стала приманкой для тех, кто отчаялся в мире торжествующего нарциссизма найти человека, каких теперь не делают – способного заинтересованно слушать и говорить не только о себе.

А сегодня? Сегодня, пожалуй, те немногие коллеги, которые еще сохраняют верность чистой классике нашего жанра, маркируют своим присутствием зоны особого элитарного опыта, своего рода – путешествия на машине времени в мир, где думают и сопереживают, анализируют и испытывают озарения, фантазируют и обсуждают сны, находясь в поле иной, классической, уже практически утерянной, культуры.

И главное – где можно посредством опытного медиума пообщаться с той неведомой, но всевластной силой, которая порождает нас, управляет нами и наказывает нас за то, что мы, не понимая ее языка, с самоубийственной опрометчивостью противоречим ее воле.

1. О МУДРОСТИ ПСИХОАНАЛИТИКА

Архетипически психоаналитик расположен на пересечении зон архетипической ответственности Героя и Мудрого Старца.

Героическая мудрость, в свое время афористичнее всего выраженная царем Соломоном – «И это пройдет», позволяет принимать неизбежное. Быть консерватором, отстаивая сверценность стабильности там, где все вопят от боли и дрожат от бессильной злобы. В том числе и злобы на тебя, утверждающего, что любое уклонение от страдания только ухудшит ситуацию. Потому что страданиями мы умиловим БСЗ, а сопротивлением – разгневим его.

Героическая мудрость – это непротивление и злу, и добру (ведь это одно и то же, только увиденное с разных ракурсов). Это позиция невмешательства – пускай все просто движется по привычному руслу, позволяя нам жить опытом заложенных в нас схем. Все это не нашего ума дело и не наш уровень ответственности...

Героическая мудрость – это способность «стоять, как ступени, когда горящая нефть хлещет с этажа на этаж»... Ведь только это качество позволяет нам заниматься целительством, т.е. лечением посредством предъявления своей психики людям, чья психика нестабильна.

А если ты сам все время нестабилен, борешься за прогресс и свободу, прыгаешь по май-данам, какое из тебя лекарство?

Чем ты можешь помочь?

Или хотя бы – можешь ли ты не навредить?..

2. ПСИХОАНАЛИЗ КАК ОСОБЫЙ ТИП САМООТНОШЕНИЯ

Психоанализ – это особый тип самоотношения и особый тип психической саморегуляции, на который нет запроса ни у кого, кроме его собственного «носителя».

Но по результатам переживания этого психоанализа человек становится более эффективным в своей профессиональной деятельности. И добавлю, что ЗФ, как врач не очень успешный в своей практике, применил результаты своего анализа к своей профессии и преуспел. Но это совпадение не означает, что ПА есть разновидность психотерапии. Хотя человек, проходящий анализ, несомненно подтвердит его терапевтический эффект. А точнее – эффект трансформации глубинной психодинамики, который отключает (порою) симптоматику от каналов выражения осознаваемых конфликтов. Но какой ценой...

Можно даже сказать, что терапевтический эффект есть разновидность естественного сопротивления психоанализу, так сказать – последняя попытка остановить безумца перед прыжком в бездну.

3. ПСИХОАНАЛИЗ КАК РЕЛИГИЯ

Не так давно (в порядке бреда, конечно, но как известно на доньшке каждого бреда есть зерно недоступной обыденному сознанию истины) я писал, что если бы изначально (или хотя бы 15 лет тому назад) мы зарегистрировали бы в России психоаналитическое сообщество как религиозное объединение, выстраивающее ритуалы поклонения БСЗ как невидимому и всемогущему божеству, то сегодня мы работали бы легально, в полном соответствии с законом, и в клиниках, и в школах и даже в тюрьмах. И науку бы свою придумали и любой, кто косо бы в нашу сторону посмотрел и оскорбил наши нежные чувства, быстро бы об этом пожалел...

Так что маскировка под науку не всегда приносит наилучшие плоды...

4. ПСИХОАНАЛИЗ КАК СПЕЦИАЛЬНОСТЬ

А нет такой специальности, и быть не может. Как нет специальности «религиозная вера», хотя есть верующие и они даже организованы в некое сообщество. Психоанализ – это особый тип самоотношения и особый тип психической саморегуляции, на который нет запроса ни у кого, кроме его собственного «носителя».

Но по результатам переживания этого психоанализа человек становится более эффективным в своей профессиональной деятельности. И потому для закрепления данного эффекта психоанализ может функционировать как некое дополнение к самому широкому спектру профессий и специальностей.

Ну а научная степень по психоанализу – это вообще бессмыслица. Научностью в психоанализе и не пахнет. Но как же теология – спросите вы... Но у нас есть целый две «теологии», симулирующих исследование души, т.е. того, что рациональному исследованию не подлежит – психология и философия. Где при желании мы можем получать научные степени. Я, к примеру, выбрал вторую, представив психоаналитическую интерпретацию как подраздел герменевтики. Почему бы и нет?

Но защищаться по психоанализу – это бессмыслица. Достаточно нам того, что свое «Толкование сновидений» ЗФ написал как пародию на научную диссертацию. По психоанализу даже диплома невозможно защитить, как известно...

5. ПСИХОАНАЛИЗ КАК ЗНАНИЕ

Мы редко это формулируем, но Фрейд не оставил нам никакого знания. Ведь контакт с БСЗ всегда конкретен и неповторим, т.е. никаких фактов и тем более гипотез на его основе не создашь. Возможны только описания, метафоры и объяснительные спекуляции. А это все из области иллюзий и фантазий; тем более – относительно природы БСЗ, о котором мы принципиально ничего знать не можем. Так что все психоаналитическое «знание» – это совокупность метафор и спекуляций, принимаемых на веру.

С одним исключением: Фрейд реально, т.е. вне контекста генерируемых им иллюзий, показал, что можно, погружаясь в свои сны, детские фантазии и комплексы войти в контакт с некоей силой, породившей нас и тотально управляющей нами. А потом как минимум достигнуть с нею компромисса и снять те конфликты, за которые она нас мучает и убивает. А как максимум – понять ее природу и создать методику превращения этого уникального опыта в более или менее стандартизированную процедуру. Понять и создать ему это удалось в режиме самопознания, разновидностью которого он в своих ранних Лекциях и объявил психоанализ.

Т.е. понять и создать по отношению к самому себе.

И вот это можно считать предназначенным для нас реальным знанием. Считать можно, по понять и освоить – непросто. И то и другое возможно, если мы будем знать о нем, о человеке Зигмунде Фрейде, все, вглядываться в каждую его фотографию и повторять его опыт как можно ближе к первоисточнику.

Это как идти в Зону четко по следам Сталкера и вступать только туда, куда он уже бросал свои гайки...

6. ПСИХОАНАЛИЗ КАК ТРАВМАТИЧЕСКИЙ ОПЫТ

Ресурс «человечности» как таковой нарастает в нас травмами и только травмами. И даже наше сознание, по Фрейду, есть защитная пленка, ороговевшая и выжженная от воздействия травмирующих агентов. Психоанализ же, создавая невыносимый в обыденной позиции травматический опыт, формирует у нас еще одну защитную пленку, позволяющую нам в пещере «человеческой ситуации» поворачиваться к Солнцу и смотреть на него. Т.е. вне сновидческой позиции соприкасаться с БСЗ.

Это как раз понятно... Непонятно как эти способности и особенности нашей психической организации (нашу «проанализированность») можно превратить в профессию. Как это сделать помимо терапии, где Фрейд научил нас проявлять свою уникальность в невыносимом для врача поведении – в позиции «нелечения», т.е. терапевтической нейтральности, запускающей у пациента ресурс регрессивного самоисцеления (переформатирования психики).

В силу особенностей своей психической организации мы не мучаемся, мучая другого. Нам просто интересны его конвульсии и симптоматика того невроза (и это в мягком варианте), который мы у него формируем на базе нашего с ним «общения» (а точнее – в ходе затаскивания его в те формы регрессивного опыта, где защищены только мы, а он гол и беззащитен). Невроза, одним из симптомов которого является, кстати говоря, навязчивое желание отдавать нам деньги...

Тут и профессиональное воплощение и монетизация нашей «инаковости» понятны...

А вне клиники?

7. ЛИЧНЫЙ АНАЛИЗ

Заниматься психоанализом, прилагать его во-вне, можно лишь имея его в себе. Странное, кстати, словосочетание – «личный анализ»... А что – бывает обезличенный? Странно тут и еще одно обстоятельство. Всех, кто подобен нам в стремлении зафиксироваться в особой позиции по отношению к БСЗ, называют обычно по имени избираемого ими для этого состояния – тех же верующих, к примеру, или же – влюбленных. А вот тех, кто пострадал на этом пути обозначают по названию патогенного фактора, их надломившего. Тех же алкоголиков или наркоманов. Так вот, по логике языка «психоаналитик» – слово из второй группы.

Что странно... Или же нет?

8. ОБ АМБИВАЛЕНТНОСТИ «ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ»

Впервые я столкнулся с этой дилеммой (а точнее – амбивалентностью) восторга и отвращения по отношению к содержанию своих мыслей, откровений и переживаний периода обретения собственной «психоаналитичности» тогда, когда начал перерабатывать свои старые материалы (тексты лекций, протоколы выступлений на Пятницах, архивные записи и письма) для опубликования.

Прав был наш великий коллега Гераклит – нельзя дважды войти в одну и ту же точку потока того, что в нашем случае было обозначено еще классиком как «психоаналитическое движение». Т.е. непрерывного потока того спиралевидного погружения (куда?), которому мы отдаемся в тот момент, когда выбираем «красную таблетку» и заглядываем за покрывало защитных иллюзий. И это не пафос, это правда, причем весьма горькая...

Отдавшись этому потоку, мы уже ни при каких условиях не можем вернуться в изначальную позицию «обыденного» себя- и миро-понимания. И навсегда обречены говорить о людях – «они». Но...

Но мы всегда можем притормозить и даже остановиться, выбрав для себя максимально комфортный уровень фиксации «фантазмов погружения» средствами логики их рационального истолкования. Тяга к подобному рода «остановке психоаналитического движения» заложена в каждом из нас как постыдная слабость, как защита от нуминозного провала, как страх потерять себя и остаться без опоры для своего персонального Я... Своего персонального Я, отрицаемого нами как ценность, но горячо любимого и защищаемого. Мы ведь не буддисты и задачу прекращения существования в качестве Я перед собой не ставим.

Эта тяга к «остановке» – естественное желание за что-то зацепиться в этом потоке (а точнее – воронке) перманентного продуктивного самоотношения, в которую нас заманил ЗФ. Вспомним хотя бы его «Толкование сновидений» – каждая глава как отрицание предыдущей, как посвящение в новые тайны, которые уже через десяток страниц объявляются бредом и заменяются еще более «сакральными» откровениями.

Каждый из нас, пошедший по этому пути, сам решает, где ему остановиться. Сам ЗФ сделал вид, что остановился на самой грани тотального ужаса, написав 7-ю главу «Толкования сновидений». Сделал вид и тут же оброс, как причал лодками, последователями и пациентами, которым, как я уже отметил выше, нужно было за что-то зацепиться в этом потоке...

На самом же деле он всех их обманул: он не останавливался, он нырял все глубже и глубже, но уже никому не мог об этом рассказать (вспомним те 7 работ по метапсихологии, написанных им в 1915—17 годах, не опубликованных им и впоследствии уничтоженных). Он не мог рассказать о своем развитии тем, кто ждал от него стабильности. Не мог дать толчок для скольжения в тьму тем, кто нуждался лишь в догмате...

А в 1926 году, когда он не выдержал и снова позвал их в поход, они просто сделали вид, что не услышали. А он пошел дальше без них... И это, опять же, не пафос, это выбор каждого из нас.

P.S. Ну и для снижения уровня пафосности – немного о хлебе насущном...

ЗФ ведь никогда не скрывал, что в ПА мы имеем дело только с собой, с соотношением своего Я, выраженного в словах, и своего Нечто, выраженного в желаниях.

Никакого Другого, помимо интенции собственного желания, тут нет, как нет (и быть не может) никакого знания о Другом (его проблемах, и пр.). И тут (но только тут) ПА сверхценен, поскольку дает ориентиры в пространстве самоотношения, позволяет превратить его в огромный мир, который у обычных людей съезживается в несвязную какофонию сновидений

и принудительные объективации системы «сознание-восприятие». И все здесь великолепно, кроме одного – тут нет корма...

Но как только мы останавливаемся в своем «психоаналитическом движении» и публично об этом объявляем, тут же появляются целые горы этого «корма», только успевай рот открывать.

Но при одном условии, известным всем нашим коллегам – глубинным психологам – со времен начала человеческой истории (еще с древних шаманских практик).

Остановившийся в своем «психоаналитическом движении» человек по инерции генерирует массу образов и рационализаций, позволяющих ему выйти из потока перманентной трансформации.

Предъявленный массе обычных людей, которые также несутся по этой спирали, даже не подозревая об этом, такой человек превращается в Учителя и Пророка. Он ведь генерирует веру, без которой их мир просто рухнет.

И по этой вере ему даруется власть над людьми.

Но при одном условии – он должен явить чудо...

9. «ПСИХОАНАЛИТИЧНОСТЬ» КАК «НЕ-ВЕЖЕСТВО»

По содержанию первичных языковых смыслов «невежда» – это слепец. Он не видит, но не в физическом смысле. Помните у Пушкина: «Поэт идет, открыты вежды, но он не видит никого...». Почему? Потому, что его зрение перефокусировано, направлено вовнутрь его души.

Психоанализ также имеет целью подобного рода перефокусировку – у психоаналитиков в обязательном порядке, у клиентов – по возможности.

И потому «невежество» – это результат аналитической процедуры, а «неведение» – это базовое техническое требование. Поскольку все, что мы ведаем в этом мире суть мнимости, не позволяющие нам услышать голос БСЗ. Как солнечный свет мешает увидеть звезды...

P.S. Но поэтическая «слепота» все же не психоаналитична. Психоаналитическая (эди-пова) слепота натужна, результативна, по типу: ковырял, ковырял и тут как хлынет...

Поэт же, как мне представляется, рожден в этом потоке.

Для прояснения же своего состояния ему лучше сходить к юнгианцам.

Только зачем?

10. ОБ ОБУЧЕНИИ ПСИХОАНАЛИЗУ...

С позиции адепта, входящего в ПА по «пути Книги», обучающий его преподаватель выступает персонифицированным воплощением того или иного психоаналитического Пророка, явившего миру изучаемый вариант «знания о БСЗ», т.е. набор защитных рационализаций и ритуалов, позволивших ему самому пережить соприкосновение с последним. В начале обучения речь тут идет исключительно о Зигмунде Фрейд, а дальше уже идут варианты, в интервале от Лакана до Спотница, в рамках персонального соприкосновения которых с БСЗ преподаватель фиксирует свою «психоаналитическую позицию».

Для самого же преподавателя процесс обучения (если только это и на самом деле обучение психоанализу, а не его имитация) тождественен его перманентному самоанализу, причем проводимому публично, в режиме дидактической эксгибиции. Он буквально в жанре античного прорицателя (или – пифии) генерирует актуальное психоаналитическое «квази-знание», т.е. набор реактивных рационализаций и метафор, производных как от психодинамики освоения им его собственной «психоаналитичности», так и от провоцируемой его эксгибицией групповой психодинамики.

Отсюда следуют многочисленные требования и запреты, делающие психоаналитическое обучение (как один из массовых видов «психоаналитической практики») не менее нормированным, чем психоаналитическая терапевтическая процедура.

Здесь же я хотел бы проговорить лишь те требования и запреты, которые касаются взаимоотношений двух неразделимых половинок психоаналитического тренинга: «обучения психоанализу» как освоения базовых рационализаций и метафор, производных от чужого опыта соприкосновения с БСЗ, и «прохождения психоанализа» как обретение и закрепление опыта собственной «психоаналитичности».

– Обучение психоанализу не должно предшествовать его прохождению. В идеале адепт идет следующим путем: из пациента постепенно трансформируется в анализанда, не психоанализируемого другим, а психоанализирующего себя в присутствии другого. Затем уже, нуждаясь в рациональном закреплении пережитого и перевода его результата в режим защитного отыгрыша, анализанд может начать свое «обучение», облегченно и радостно заимствуя чужой опыт (причем в основном – опыт чужих ошибок). Освоив эти чужие ошибки, он перестает быть «диким» психоаналитиком, отличительная особенность которого как раз и заключается в том, что он учится на своих ошибках, а не на чужих.

Тренинговые аналитики, как раз и ответственные за то, чтобы квалификационно подтвердить обоснованность трансформации того или иного пациента в анализанда и поддержать динамику такой трансформации, сами ни в коем случае не должны преподавать. И не только потому, что в учебной группе могут быть адепты, проходящие у них анализ (тут все непросто, но последствия этого извращения можно, в принципе, проработать и интегрировать в аналитический процесс). Данный запрет основан на гораздо более серьезных вещах: преподавание психоанализа методически настолько радикально противоположно тренинговой аналитической работе, что вовлеченность в преподавательскую практику не просто требует особого типа «психоаналитичности» (манифестной, текучей, персонально нагруженной, эго-центрированной, неудержимо проективной, и пр.), но и необратимо ее переструктурирует.

Преподаватель же психоанализа, не просто не должен сам стремиться к проведению «психоаналитической практики» в области «кушеточного пути в психоанализ»; этого мало – его категорически нельзя допускать в эту сферу профессиональной деятельности ни при каких условиях.

Смею даже утверждать, что три базовые разновидности «психоаналитической практики» – клинический анализ, прикладной анализ (т.е. совокупность социокультурных психоаналитических практик) и преподавание психоанализа – настолько различаются по тем требованиям, которые они предъявляют подготовке, психическому состоянию и, если можно так выразиться, типу «психоаналитичности» своих «актеров», что смешивать их не должно. На практике такое, к сожалению, случается, но моя позиция тут неизменна; и, немного перефразируя Поэта, ее можно выразить следующим образом: «а смешивать три этих ремесла есть тьма искусников, я не из их числа...

И все же что, при всех различиях, объединяет эти профессиональные позиции, делает их психоаналитическими? Прежде всего, конечно же, единый по содержанию опыт обретения «психоаналитичности»; это, конечно, главное.

Плюс – наличие «четвертой профессиональной позиции», т.е. профессиональной активности психоаналитика-исследователя.

Который нагружает метапсихологическими спекуляциями и оперативными метафорами тот воз, который эти лебедь, рак и щука тянут в различные стороны.

И тем самым придает ему, этому возу психоанализа, устойчивость...

11. ЦЕЛЬ ПСИХОАНАЛИЗА

Целью ПА является не разработка и применение «современных методов работы с пациентами», а сиюминутное, в режиме «здесь и сейчас», вслушивание в голос БСЗ и понимание тех сообщений, которые оно нам передает через своих посланцев.

Понимание и трансляция их смыслов в культуру...

По крайней мере это и есть ПА по Фрейду.

12. ПСИХОАНАЛИЗ КАК НЕОМИФ И КАК ПОСТМИФ

Психоанализ начинался как неомиф, как некий фонтан веры, пробившийся сквозь ороговевшие пласты постхристианской мифологии. И сразу же стал некой приватной микрорелигией, своего рода – катакомбной Церковью, проводившей в тишине и тайне свои ритуалы культа БСЗ на кушеточных алтарях.

Но в тело социума в данном качестве наш миф так и не вошел, став одним из фундаментальных оснований реактивной постхристианской культуры, не более, но и не менее того.

Он смягчил удар смерти двухтысячелетнего бога (а точнее – удар понимания того, что этот бог реально умер две тысячи лет тому назад, и оживал лишь в границах нашей веры, иссякшей и переставшей его воскрешать). Но программа Фрейда и Юнга – «религию должна заменить другая религия» – так и не была исполнена.

И сейчас психоанализ – это постмиф, доживающий свое в душах своих последних адептов, проповедующих уже камням в пустыне. Это видно по превращению веры в «осознавание», мистерии в технологию, а чудес трансформации – в «улучшение качества жизни».

И на самом деле это – нормально. Мифы не вечны, они живут и умирают. Просто у некоторых из них, сумевших стать религией, жизнь естественным образом продлевается, а смерть продлевается искусственным образом, становясь максимально замедляемой социальной катастрофой.

Но это не про нас, хотя такой шанс у нас явно был (а в России – даже дважды).

13. ЭРОС ГОРАЗДО СТРАШНЕЕ ТАНАТОСА...

Говоря о «первичных позывах» БСЗ, не стоит забывать о том, что Эрос гораздо страшнее Танатоса. Это та сила родовых инстинктов, которая гонит рыб на нерест и т. п. Эрос убивает нас злобно и мучительно, как только мы пробуем противопоставить свое Я этим родовым влечениям (именно так ЗФ научил нас понимать, к примеру, онкологию).

С Эросом нельзя заключать договоров, ему нужно просто служить на алтаре сексуальности. Случить телесно, или же, по крайней мере – сублимированно (в том числе – на психоаналитической кушетке). Служить, добывая себе этим право на жизнь.

А вот с Танатосом «культурный договор», как писал Фрейд в 1915 году в своих «Современных мыслях о войне и смерти», вполне возможен. И мучительные жертвы, которые мы ему по этому договору приносим, не мешают нам отстаивать свое право не быть лишь носителями родовых инстинктов, а скорее дают нам это право...

Кстати об Эросе: после вхождения в анализ ЗФ отметил у себя резкое снижение полового влечения, приведшее к полному прекращению сексуальной жизни. А ведь до того он был весьма сексуален и даже корил себя за несдержанность после шестой беременности жены, угрожавшей той вполне вероятной гибелью. Он был настолько удивлен такими переменами в себе, что даже, как мы знаем, переспал с сестрой жены проверяя, не стал ли импотентом.

Нет, не стал... Но из-под власти Эроса вышел. За что, кстати, и расплатился многими годами борьбы с раковой опухолью. Которую проинтерпретировал как приказ взбешенного Эроса соматическим клеткам стать клетками зародышевыми и начать спонтанное деление...

14. ПСИХОАНАЛИЗ И АНАЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

При всем уважении, а местами и любви, к братьям нашим меньшим юнгианцам, я все же настаиваю на том, что они, как и прочие выходцы из классического психоанализа, забрали себе только часть его содержания. Хотя, не скрою, самую лакомую часть.

Но сотрудничество наших школ может быть основано именно на взаимном дополнении. Как это может быть у части и целого? Дело в том, что развитая в аналитической психологии часть психоанализа в самом психоанализе (проект «Imago») по ряду причин постепенно заглохла и деградировала. А поначалу мы и тут были лидерами – один Геза Рохайм чего стоил! Среди этого «ряда причин» стоит отметить прежде всего «терапевтическую прагматику».

Ведь та часть психоанализа, которую развивали юнгианцы – учение о первичном БСЗ и наследуемых схемах развития как своего рода «глубинных универсалиях», клинически применима (и изначально, и на сегодняшний день) только по отношению к тому, что принято называть шизофренией.

А психоанализ не работает с шизофрениками в силу соответствующего «первородного табу».

15. РОДОВЫЕ ПУТИ В ПСИХОАНАЛИЗ...

Еще в середине 90-х мною была разработана программа «врастания» адепта в психоанализ через личность и судьбу ЗФ. Называлась она «Человек ЗФ и природа классического психоанализа». Там на основе особенностей «семейного романа» ЗФ, его симптоматики, его сновидений, и пр. были реконструированы 72 личных комплекса основоположника психоанализа и привязаны к соответствующим постулатам и техникам психоанализа как их реактивной компенсации.

Проблема тут только в том, что это – явным образом закрытое от непосвященных знание, которое потребно только реально «рождающимся во Фрейде» психоаналитикам. Но лично я таковых давно уже не встречал.

Вокруг одни имитации... Правда, не буду кривить душой, имитации порою довольно изощренные.

Нынешние же немногочисленные «истинные психоаналитики» рождаются в основном через Лакана, т.е. своего рода кесаревым сечением («королевской дорогой»), минуя естественные родовые пути.

Но хоть как-то еще рождаются, и слава Богу!..

16. «РУССКОСТЬ» КАК СНОВИДЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ

«Русскость» – прилагательное без существительного, при помощи которого мы себя культурально идентифицируем, фактически означает, что мы еще не сотворены, нас, русских, еще нет в реальности, мы еще созреваем в некоем поле смыслов и чувств, лишь готовясь воплотиться в нечто конкретное, существенное и существующее (существительное).

Мы вписаны в волю национального типа БСЗ как творящего нас процесса. Соответственно, мы просто не в состоянии увидеть и оценить этот процесс со стороны (как вынашиваемый плод не может увидеть свою беременную мать взглядом стороннего наблюдателя). Нам нужен проективный образ, вглядываясь в который мы могли бы понять себя, т.е. вспомнить, воспроизвести, рационализировать заложенную в нас наследуемую схему развития.

Так давайте же попробуем вспомнить себя и смоделировать искомую идентичность. Из русского чего-то, сделаться просто кем-то. Прекратить прилагаться к чему угодно и начать существовать.

Что для этого нужно? Только одно – адекватный образ, аналог, матричная форма, в которую может воплотиться, в которой может быть воспринят, понят и прочувствован носитель «русскости», в которой он может быть вписан в реальность и объектно в ней зафиксирован.

Может ли стать таковой матрицей предложенный некогда Фрейдом (а точнее – постфрейдистскими интерпретаторами его книг) образ русского как Человека-Волка? Нет, ни в коей мере! Сергей Константинович Панкеев, наш с вами соотечественник, ставший знаменитым фрейдовским пациентом, будучи ярким носителем «русскости» никак не вписывается в рамки данного архетипического образа. Какой же он Волк? Он всего лишь видит волков во сне; и не только в детском сне, который он постоянно припоминает. Фактически он спит постоянно, его психика нарциссична, т.е. почти абсолютно замкнута, представлена как бесплотное отражение отражений (как в зеркальной комнате), где реальные предметы и события теряются, переплетаясь с мириадами фантомов.

Фрейд как профессиональный сновидец не только легко замечает это; он осторожно и медленно пытается разбудить своего клиента, постепенно подготавливая его к встрече с реальностью. Пытается разбудить, но, к счастью для «русскости» Панкеева, не преуспевает в этой попытке. Панкеев, судя по его мемуарам, так и проспал всю свою жизнь, чередуя занимательные сны о мудреце Фрейде (который на самом деле ума не мог приложить, что ему делать с этим странным пациентом) с романтическими грезами о жене-испанке (на самом деле – испуганной еврейской женщине, покончившей жизнь самоубийством в 1938 году, предпочитая умереть, но не разрушить грезы любимого мужа вынужденной эмиграцией) и травматическими снами, где действительно кишели волчьи проекции в диапазоне от того же Фрейда до офицеров советской армии, оккупировавшей Вену.

Он просто спал и видел сны. И он был не уникален – точно так же спала и видела сны та людская масса, которая дала ему жизнь и от которой он отделился территориально, но не духовно. И это были все те же сны: о мудром кремлевском старце, единственно не спящем в покрытой тьмой стране, о любви к Испании, о страшном Волке-людоеде, покусившемся на нашу Родину-Мать. Поле русских снов едино. Именно оттуда, из наших снов, мы и выносим свою «русскость» в окружающий нас мир, удивляя его алогичностью, а порою и бредовостью наших деяний, желаний и мечт.

Волчья метафора явно неадекватна такому вот типу психической организации – замкнутому на себя сновидцу-нарциссу, живущему в поле своих сновидений, даже в видимом бодрствовании прибывающему в трансовом подключении к иллюзорным, виртуальным формам

опыта. Здесь скорее уместен образ Медведя, сосущего свою лапу в берлоге и сладко посапывающего во сне.

Образ этот настолько адекватен нашей идентичности, что на уровне элементарного его представления мы уже замечаем – что-то тут не так. Наш Медведь не спит, он бродит по ледяной равнине, поджав голодное брюхо, и мучительно зевает, пытаясь снова уснуть. Это не добрый Мишка, это – медведь-шатун, разбуженный и опасный, изгнанный из разрушенной берлоги и потерявший нить и смысл своей сновидческой жизни.

Каждый, кто способен увидеть в этом образе себя и свой народ, понимает, что наша общая судьбоносная задача заключается в том, чтобы вновь усыпить этого Медведя, убаюкать его, т.е. восстановить во всей былой красе его страхи, иллюзии и проективные фантазии.

За пару десятилетий своих шатаний наш Медведь поднакопил солидный «дневной остаток» (т.е. потенциал нереализованных желаний), которого ему хватит на многие десятилетия сна.

Мы все понимаем, что хватит ему шататься, пора залегать в берлогу.

Проблема в одном – у нашего Мишки больше нет берлоги. Он ищет пути к привычному трансу и не может их отыскать. Он утерял ритуал засыпания, забыл позы сна и давно не слышал колыбельных песен.

Он даже не подозревает, что для этого и, пожалуй, только для этого и был придуман классический психоанализ. И мы уже давно ждем его у своих кушеток.

17. ПСИХОАНАЛИЗ И ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОТЕРАПИЯ

Не стоит даже пытаться отождествлять (и даже смешивать) психоанализ и то, что ныне подразумевают, говоря – «я практикую психоанализ», т.е. с психотерапией.

Общего между ними так мало, что этим общим вполне можно пренебречь. Каждый из тех, кто воспроизвел в себе фрейдовский опыт анализа (и только так, если ты не самоубийца), обретенную в этом опыте «психоаналитичность» может при желании использовать для добывания средств для существования в любой сфере человеческой деятельности. Психоаналитичность делает более эффективными любые наши усилия; Фрейд, так уж случилось, был врачом и потому он монетизировал свою «психоаналитичность» через терапию. Не сделав ее, правда, более эффективной (чего не скрывал, отрицая вообще любые точки соприкосновения психоанализа и медицины), но сделав ее более эффективной.

И если кто-либо найдет в наследии создателя психоанализа хоть один пример излечения пациента, я буду ему благодарен. Я же перерыл все его тексты, заметки и письма, но ничего подобного не обнаружил. А обнаружил во множестве замечания совершенно противоположного рода, типа такого: *«Поскольку меня совершенно не интересовал вопрос о частоте положительных результатов лечения, я нередко брался и за такие случаи, которые граничат с психопатологией...»* (письмо Юнгу от 06.12.1906 г.). А вот характерная его фраза из книги «Из истории одного детского невроза, знаменитого «случая Человека-Волка»: *«анализы, приводящие к благоприятному исходу, ценны для самочувствия терапевта; для исследовательских целей они, по большей части, ничего не дают... Новое можно узнать только из анализов, представляющих особые трудности, где аналитик оказывается в состоянии отказаться от близорукого терапевтического самолюбия».*

Именно поэтому, кстати, т.е. для того, чтобы не порушить иллюзии «терапевтичности психоанализа», до сих пор засекречены многотомные фрейдовские клинические записи. Но сам он постоянно твердил – *«только не стремитесь исцелять! получать знание и зарабатывать деньги – вот вполне достойные цели!»*. Для чего нужно это знание – другой вопрос; частично его мы тут как раз и обсуждаем.

И последнее. Если вы кого-то «чувствуете» и готовы его (в качестве пациента) избавлять от страданий и проблем, работая по многу часов в своем кабинете – это достойно всяческого уважения. Но вы даже не представляете себе – насколько это звучит странно в контексте нашей «психоаналитичности»...

Ведь психоаналитик может и должен чувствовать только себя и понимать эти свои чувствования. В результате анализа мы научаемся делать только это, но зато это мы умеем делать очень хорошо, превратив свое БСЗ, как говаривал Фрейд, в рабочий инструмент...

Психоанализ в его первичном смысле есть сфера тотального эгоизма, где фокус интереса – я сам в состоянии «здесь и сейчас».

И нет тут еще никакой «практики» и никаких «пациентов».

Тут вообще никого нет – только ты сам и БСЗ...

Как в молитве, к примеру...

18. О ЗНАЧИМОСТИ РЕЛИГИОЗНОГО ДИСКУРСА В ПСИХОАНАЛИЗЕ

«Практикуя» свою психоаналитичность, мы приманиваем людей надеждой, а работаем с любовью. Но без вез веры все это – бездушный хлам, пустышка, «кимвал звенящий»...

А что такое вера взрослого человека? Это тот контекст, где единство чувства, мысли и действия иллюзию трансформирует в реальность.

Вне же веры эта исцеляющая иллюзия деградирует до состояния манипулятивного вранья. Вот такие слова сегодня у меня наготове для тех коллег, кому религиозные рамки разговоров о психоанализе не близки. А на что мы будем опираться без рамок/границ? То-то и оно... Из всех же рамок и границ религиозные – самые человеческие... Тем более, что только они позволяют нам пускать Смерть внутрь своей реальности и жить с нею бок о бок в длительном перемирии.

И если мы ищем контекст, внутри которого мы можем говорить о психоанализе, не коверкая его историю, его нынешнее в нас состояние и его перспективы, то мне, как, впрочем, и Фрейду с Юнгом, религиозный дискурс кажется наиболее для этого пригодным. Не научный (психологический или нейрофизиологический), не философский, не психотерапевтический, а именно религиозный.

Тут все опять пошло по кругу и Новое Средневековье требует новой религии, а мы по инерции все заигрываем с когнитивностью и «осознаванием».

О какой востребованности при этом может идти речь? Только о деградации и растворении в психотерапии. И о неминуемом отказе от «психоаналитичности» в пользу «психотерапевтичности».

Если изгнание Юнга в 1914-м из психоанализа было ошибкой, то изгнание из него Фрейда в 1926-м после его призывов к организации психоанализа как сообщества светских священников по модели Армии Спасения было ужасной катастрофой.

Нужно возвращаться к истокам «движения», а то нас уже даже расстановщики с их примитивным шаманизмом начинают теснить...

19. КАК ПОСТИГНУТЬ ПРИРОДУ И СМЫСЛ ПСИХОАНАЛИЗА

Психоанализ – это совокупный результат фрейдовских изысканий, полученных в результате его самопознания и апробированный на каждом из этапов этого самопознания в практике особым образом организованного воздействия на пациентов, вводимых в измененное состояние сознания. И выраженный в его текстах.

Понять его природу и смысл непросто, но возможно. При условии, что ты (1) знаешь о Фрейде все, что можно знать; (2) перечитываешь его работы и письма в фоновом режиме многократно и вдумчиво; (3) воспроизводишь в себе его аналитический опыт.

Если же тебе на все это глубоко и открыто наплевать, но ты исполняешь некие корпоративные установления и имеешь в результате набор бумаг, подтверждающих твоё право на психотерапевтическую практику, то все это прекрасно. Но вообще никакого отношения к психоанализу не имеет. Тут мы, по словам Фрейда, имеем дело с Посторонним, общение с которым утомительно, ведь он даже слов наших не понимает, не будучи погруженным в психоаналитический дискурс.

20. ФРЕЙДИЗМ КАК РЕЛИГИОЗНАЯ ПРАКТИКА ПРЕДЕЛЬНО ПРОСТ...

Фрейдизм как религиозная практика, основанная на вере в БСЗ, предельно прост, как просты наша жизнь и наша смерть. Стань взрослым, надейся только на себя, слушай голос Смерти и страдай, не давая ей захватить власть над тобою. Страдай и живи, защищая близких и делая свое дело. И будь готов умереть тогда, когда это сопротивление влечению к Смерти станет невыносимо трудным и нестерпимо болезненным. Умереть и исчезнуть. Без сопливых надежд и причитаний. Умереть, уйти в БСЗ, слиться с ним и говорить с потомками оттуда. Все просто. Да – и никакого ладана...

21. ПОДУМАЛОСЬ...

Сильную все-таки мы выстроили маскирующую иллюзию!

БСЗ уже воспринимается как нечто научное. А оксиморон «знание о БСЗ» уже никому не режет слух...

Мне даже кажется, что мы перестарались. И пора снова напомнить о том, что БСЗ есть Нечто, абсолютно запредельное нашему опыту. И все, что у нас «на него есть» – это лишь некоторые догадки, в которые мы верим, и символы, которые мы истолковываем.

22. УРОВНИ БЫТОВАНИЯ ПСИХОАНАЛИЗА

Я давно собираюсь подробно описать «прагматику» возвращения к исходным смыслам и целям психоанализа (под обновленным лозунгом «Вперед к Фрейду!»). И сделаю это обязательно. Здесь же могу обозначить главное – начать следует с четкого разделение сфер «бытования» психоанализа на «сакральную» и «мирскую».

С соответствующими уровнями его понимания и его воспроизведения как «духовеством» (раздельно «белым», монашеско-академическим, и «черным», служилым, практикующими психоаналитиками как батюшками и матушками), так и мирянами.

Эти три уровня «знания» и «практики» вообще не должны смешиваться. Такое смешение как раз и порождает всю путаницу при разговорах о психоанализе и психоаналитиках и при попытках на базе этих разговоров выстроить некое универсальное и единое основание психоаналитических практик.

Которое просто невозможно: практики психоанализа и вправду унифицированы в рамках своих прагматических целей, но вот их основание (как понимание и как переживание) ранжируется в зависимости от уровня посвящения в тайны БСЗ.

Фрейд изначально строил ПА по модели масонской ложи, как пирамиды, четко дифференцированной по уровням посвящения. Либо нечто подобное будет восстановлено, либо этот гротеск будет и далее воспроизводится в комичном виде навязчивого карго-культа...

Поясню сказанное на примере. Скажем, Отто Кернберг, один из величайших ныне живущих психоаналитиков, в своей книге о проблемах психоаналитического обучения говорит как «посвященный», как «монах-академик», как иерарх нашей Церкви. Во фрейдовские времена он был бы, несомненно, членом Тайного комитета... И обращается он при этом к себе подобным... А вот проводя семинары по трансфер-ориентированной психотерапии, он говорит с «черным духовенством», работающем «в поле» и потому снижает уровень «психоаналитичности», разговаривая об адаптации, о работе и учебе пациентов и пр. вещах, на более высшем уровне абсолютно бессмысленных. А выпусти его в неподготовленную аудиторию, он говорил бы сплошными метафорами, думая только об одном – не навреди – и создавая импульс «страха Божьего»...

Вот, как-то так.

23. ПОДУМАЛОСЬ...

В нынешнем психоанализе есть одна «подлянка», которая все не дает мне покоя.

Ведь формула – «покуда не оборотитесь и не станете как дети, покуда не умалитесь как они, не войдете в Царствие Небесное» – она несомненно верна, но...

Умалять и удерживать в инфантильной регрессии мы научились и даже обучаем этому в режиме профессионального тренинга.

А вот дверцу (или лестницу?) в это Царство потеряли.

И просто за деньги умалеем и оборачиваем, оборачиваем и умалеем...

А вот зачем?

24. МИССИЯ ПСИХОАНАЛИЗА КАК ДЕЯТЕЛЬНОЕ ПОКАЯНИЕ

Категорически согласен с такой вот прочитанной недавно мыслью: «для того, чтобы понимать (или вспоминать) природу и миссию психоанализа, нужно к этой самой природе вернуться через путь исправления (покаяния), иначе она так и останется неосознаваемой и непрочувствованной...».

Именно так и описал Фрейд на примере истории иудаизма трансформацию коллективной навязчивости в живую религию в своем «Человеке Моисее». Именно такого финала он ожидал и от порожденного им психоанализа. Именно так – через вину и деятельное покаяние (в том числе и за культуральное отцеубийство) психоанализ и возродится «во славе» своей миссии.

Но предварительно «из пустыни» должны являться пророки и стыдить «избранный народ», напоминая ему о смысле этой миссии, забытой и частично воспроизводимой лишь в режиме obsessions.

Роль такого пророка я и пытаюсь играть «здесь и сейчас» по отношению к отечественному психоанализу. Завершающему ныне свое латентное существование и подходящему к «решительному этапу», за которым – рождения или же гибель, растворение в психотерапевтических практиках.

А уже потом, на почве, засеянной пророками, явится Мессия и запустит эту миссию в жизнь. Запустит, кстати, новой жертвенностью – и потому эту роль никто играть не хочет. Ее в свое время попытался сыграть Лакан – и в результате, как видите, народилось на мертвом поле нечто живое. Но Лакан – Мессия для французов. И чтобы войти в зону активности его жертвенного подвига нужно отречься от своих корней и припасть к чужим – языковым, культурным, коммуникационным, и пр.

25. РЕЛИГИОЗНАЯ ПРИРОДА ПСИХОАНАЛИЗА КАК ТАЙНА

Все инициированные мною в последнее время разговоры о психоанализе как разновидности религиозной конфессии отнюдь не означают, что я призываю коллег (да и себя тоже) в той зоне, где мы «работаем», т.е. трансформируем свою «психоаналитичность» в профессию, афишировать нашу сущностную природу, основанную на вере в БСЗ и на производных от нее факторах: вероучении, культе и церковной организации.

Отнюдь... Для нашего общего дела, для нашей корпоративной миссии, будет гораздо «пользительнее», если «в миру» мы будем и далее свое вероучение выдавать за научную метапсихологию, свои чудеса – за экспериментально апробированную психотерапевтическую методику, а свои формы конфессиональной саморганизации – за профессиональные корпоративные сообщества.

И мы это будем делать, маскируя свою истинную природу и миссию, до тех пор, покуда не получим явный и недвусмысленный запрос на новую религию для нового человека. Запрос не на объяснение, не на исцеление, а на веру, без которой дальше жить станет невозможно. И только тогда мы «в миру» сбросим маскировку и открыто скажем: вы Бога хотите? – Он есть в нашем психоанализе! Мы его не нашли и не возродили, мы его вырастили, слепили как Голема из ваших же снов, фантазий и симптомов, оживили и подключили его к вам. Живите теперь его волей при нашем священническом посредничестве...

Ну а пока мы ожидаем этого судьбоносного и для людей и для нас, психоаналитиков, события, своего рода – цивилизационного переворота, ради приближения которого мы и были некогда созданы и отправлены в будущее (подобно команде космического корабля, поколениями летящая к далекой цели), нам нужно просто помнить о своей природе и о своей миссии.

И уподобляться не своей пастве, которой мы рассказываем сказки, рядясь в маски психологов, психотерапевтов или философов, а нашим античным коллегам – авгурам, которые, оставшись в своем кругу, сбрасывали маски и, с улыбкой поминая тот оперативный бред, которым они приманивали паству к своим алтарям, начинали говорить об истинно важных вещах.

Вот для этого я и предлагаю вам, коллеги и друзья, эту тему для разговоров. Чтобы мы все вспомнили свою природу и миссию, и чтобы мы впредь их не вытесняли.

Чтобы мы от них отталкивались, организуя свое психоаналитическое пространство и общаясь в его пределах друг с другом.

И тогда многое в нашей жизни упростится и прояснится.

В особенности – ритуалы сеттинга, а также те ритуалы тренинга и корпоративного взаимодействия, которые, вне контекста их реального смысла, порою и вправду начинают напоминать навязчивые (обсессивные) проявления.

26. О ПСИХОАНАЛИЗЕ КАК ПРОФЕССИИ

Любой социум обязательно формирует зоны дополнительной дисциплинаризации, создаваемые специально для людей, случайно или намеренно освободившихся от морока «добровольного принятия» социальных норм и ограничений, от позиции социализации как самоотречения... В том числе и для таких людей как психоаналитики, чья исследовательская позиция по отношению к культурной символике и навязчивым формам отыгрывающей ее социальности выводит их (т.е. нас) из-под фонового социального принуждения и контроля.

Такие зоны (своего рода – специализированные дисциплинарные пространства) подобны клеткам с приманкой, помещенным на воле, за пределами зоопарка. И наша психоаналитическая приманка этого рода – искушение «профессией».

«Профессия» позволяет нам снова побыть «просто людьми», продемонстрировать свою нужность и востребованность, окунуться в интересубъективные игры зависимости и созависимости, любви и отторжения. Дает возможность общаться с собой как это делают обычные люди – не непосредственно, а опосредованно...

И за это отречение от своей «психоаналитичности», за этот отказ от той нашей самодостаточности, о которую социум ломает все свои крючки, за замену «ухода за Стену» играми у «кормилки-поилки» (помните – как точно все это описал Пелевин в «Затворнике и Шестипалом») еще и деньги платят. Ими, правда, приходится все время делиться, но таковы правила социума, он всегда выстроен пирамидально...

Так что выбор тут прост: оставить такими усилиями обретенную «психоаналитичность» себе, или же – выставить ее на продажу и сделать деятельное отречение от нее профессией.

И, кстати говоря, я не осуждаю этот второй путь. Тем более, что в моем случае, случае психоаналитика-исследователя, это легко можно было бы оценить как попытку хаять вечнозеленый виноград. Я только демонстрирую его парадоксальность. А так – никаких проблем. «Психоаналитичность», а особенно – ее устойчивое (стабильное) состояние, дается нам настолько большими усилиями и даже муками, что каждый из нас имеет право делать с ней все, что пожелает. В том числе и инвестировать ее в «денежную машину», приносящую стабильный доход.

Лично же меня тут волнует только две вещи.

Во-первых то, что в придуманную для нашего «укрощения» профессию пришли прагматики, которые не только изначально не являются носителями «психоаналитичности», но и все чаще начинают вообще отрицать ее необходимость (а порою и ее возможность).

А второе – это их воинственное стремление ту профессию, которая призвана трансформировать «психоаналитичность» в социальность, а психоаналитика – в обычного человека, выдавать за психоанализ как таковой. И, гордо считая часы стажа своей терапевтической работы, смотреть на психоаналитиков, не торгующих своей «психоаналитичностью», а культивирующих ее в режиме самоотношения, с презрением, вопрошая их – а занимаются ли те «психоаналитической практикой»? И считают психоаналитиками только тех, кто не только такой практикой занимается, но и супервизирует ее, т.е. получает подтверждение от других таких же практиков в своей «психоаналитичности». Какой-то перевернутый мир, буквально – анти-психоанализ...

Причем я тут говорю не о российских «перегибах на местах», а тенденции, выдающей себя за мейнстрим. В той же IPA психоаналитические статусы производны от «зачета по двум прологнигованным и супервизируемым клиническим случаям». А с какого это перепугу?

27. О ПОСТАНАЛИТИЧЕСКИХ ЛЮДЯХ БЕЗ ВРАНЬЯ И КРИВЛЯНИЙ

Из глубинных ответвлений своей ФБ-ленты, из своего рода – корневой системы своего «здесь и теперь», решил я вытащить вопрос одного своего ФБ-собеседника, скептически настроенного по отношению к психоаналитической мифологии, но явно тянущегося к ней и потому стремящегося к диалогу. Мне показалось, что ответ на него стоит вытащить на свет и предъявить всем интересующимся психоанализом как своего рода откровенное признание.

Вот этот вопрос, заданный Юрием Солошенко (авторский стиль сохранен в неизменном виде):

Юрий Солошенко Я прошу помочь мне разобраться тех, кто хочет или может это сделать. Почему считается a priori, что человек, прошедший психоанализ, становится качественно иным, приобретает свойства, которые никогда и низачто не будут у тех, кто его не прошел. Становятся некими стругацкими «люденами». А доказать, обосновать или показать на примерах. История психоанализа и судьбы психоаналитиков говорят больше об обратном-много суицидов, сумасшедших, фриков. Да и в личной жизни масса проблем.

Отвечаю:

Странно, Юрий, что никто из моих друзей и подписчиков не пожелал Вам помочь в прояснении Ваших недоумений по поводу людей, прошедших психоанализ. Скорее всего причиной тому – успех моих постоянных нападков на тех псевдо-коллег, которые притворяются психоаналитиками, сами этого опыта не имея и не представляя даже, как и кем именно им нужно притворяться. Они терпели-терпели, да и попрытались от меня подальше. А кроме них никто не настаивает на том, что человек, проанализировавший себя, становится лучше, приближается к некоему идеалу.

Те же, кто этот опыт имели, пережили его и живут с его результатами (всегда неожиданными для нас), никогда такого не скажут. Тем более – о себе. А результат своего анализа – это все, что мы знаем о психоанализе, все остальное суть домыслы; даже сам ЗФ знал о психоанализе только это. Но это мы знаем. И вот, что я Вам тут скажу, не кривляясь и не пытаясь кого-то обмануть. Психоанализ дает нам в итоге только одно – возможность жить собственной жизнью и умереть собственной смертью. А не жить в режиме тотальной дисциплинарзации, и не быть в итоге убитым собственным БСЗ только за то, что не мог научиться говорить с ним.

Это круто, это и есть единственно реальная свобода, доступная человеку. Но...

Но познание самого себя, выявление «настоящего себя» и слияние с ним, переструктурирование себя под эту подавленную в БСЗ свою подлинную идентичность, выпускает на волю не ангелов, а демонов. Из нашей Тени, вытащенной на Свет, лезет такая гадость и такая жуть, что каждый из нас многократно пожалел, что пошел этим путем. Но назад уже дороги нет. И потому слияние с этой гадостью, принятие ее и изменение себя и своей жизни с учетом ее интересов – это и есть те дары, которые нам приносит психоанализ. Приносит и насильно загоняет в позицию человека не от мира сего. Так что «фрики» и «сумасшедшие» – это еще неплохая социализация для постаналитических людей.

А по поводу нашей «личной жизни» Вы зря переживаете; тут у нас проблем не бывает, причем – по определению. Поскольку наша личная жизнь протекает в иной реальности. А точнее, в ней есть только одна проблема – проблема ее конечности, больно уж она интересна и неисчерпаема. Подробнее не буду, тут много личного, скажу только, что психоанализ очень многое у нас отнимает, но дает взамен нечто самое главное, не доступное на иных путях: воссоединение всего, что было так травматично в нас разорвано и вывернуто наизнанку.

Что же касается суицида, то тут не поспоришь – бывает и частенько. Но ведь это право, право на свою собственную, а не навязываемую, смерть, мы заслужили честно.

И последнее. Дело в том, что все это пояснение, которое я, Юрий, дал в ответ на Ваш вопрос, основано на моем личном опыте. Ваша же позиция, как бы вопрошающая, но по сути – обличающая, основана на мнении Постороннего. Вы та и пишете – «считается *argiori*, что человек, прошедший психоанализ становится...». Кем считается? С чего вдруг?

А у нас ничего «*a priori*» не бывает, у нас все «*a posteriori*».

Чувствуете разницу?...

28. ПАРАДОКСЫ НЕВОЗМОЖНОЙ ПРОФЕССИИ: ПСИХОАНАЛИТИЧНОСТЬ КАК ТОВАР

Многочисленные дискуссии по проблемам корпоративной этики и контроля над ее соблюдением, которые бушевали в российском психоаналитическом пространстве в последние годы, привели к очень странной ситуации.

Помимо боевых возгласов – «А судьи кто?» и «А ты кто такой, чтобы...» – итогом этих споров стало настолько ясное понимание парадоксальности психоаналитической этики, что даже инициаторы всех этих споров утихли и задумались о невозможности психоанализа как профессии.

Тут ведь и на самом деле все очень просто; просто до состояния парадокса.

Быть психоаналитиком – значит принимать себя в полном объеме тех «расширений», которые стали результатом собственного анализа. Повторяю – не критиковать себя, не казнить, не оценивать, не выставлять границы, не прятаться от себя и не отрекаться – от себя, а принимать...

Точно так же и в психоаналитической терапии мы ведем себя по отношению к нашим клиентам, демонстрируя им возможность такого вот – принимающего – отношения к ним, отношения, которое они могут в наших кабинетах прочувствовать и в котором они могут закрепиться. Могут научиться не казнить себя, а миловать; не мучить себя, а радоваться себе.

Но вот к самим себе в этой ситуации мы, психоаналитики, так относиться уже не можем. Не можем принять все, что порождает у нас это общение, выставляем по отношению к себе жесткие запреты и ограничения, добровольно принимая контроль за их исполнением со стороны корпоративного Супер-Эго (этических комитетов и т.п.).

Т.е. в ситуации «монетизации» своей «психоаналитичности» мы вынужденно выходим за пределы своего психоанализа, перестаем «быть психоаналитиком». Образно говоря, мы передаем свою «психоаналитичность», т.е. право на абсолютное принятие себя как ценности, своим клиентам, а сами от нее отказываемся. И не просто передаем, а продаем ее за деньги.

И отказываемся мы от своей «психоаналитичности» явно неохотно, сопротивляясь. О чем и говорит необходимость жесткого внешнего контроля, так многих раздражающего.

Много споров я слышал по поводу того – чем именно торгует психоаналитик. Вариантов ответа слышал тоже немало – от мудрости до времени. А точный ответ таков – мы торгуем своей «психоаналитичностью», отрекаясь от нее во имя другого. И передавая ему все те дары, которые получили по итогам своего психоанализа.

Это и в правду звучит просто. Просто, как любая гадость, лишенная маскирующих иллюзий.

Выходит, что психоаналитическая практика – это дисциплинарное пространство, созданное специально для того, чтобы контролировать и социализировать психоаналитиков, лишая их той свободы (и от своей Тени, и от дергающей нас за теневые струны Культуры), которую нам дает психоанализ. Все это старо как миф, отражено в классической притчевой символике: «право первородства» или «чечевичная похлебка» – выбирай...

Вывод тут тоже прост и яростно логичен. В психоанализе выигрышна не активная, а пассивная позиция; в нем лучше быть анализандом, а не аналитиком. Вечным студентом, а не усыпанным лаврами и званиями профессором.

И еще – на позиции же аналитиков (и тем более – тренинговых аналитиков) следует делегировать лишь тех, кому не жалко своей «психоаналитичности». А еще лучше – тех, у кого ее и не было.

И ни в коем случае не допускать в психоанализ как профессию тех, у кого ее в избытке. Он никогда не сможет влезть в жесткий ошейник дисциплинаризации. И будет, ссылаясь

на свою совесть и на уникальность процедуры, делать все, что захочет. Принимая себя во всей полноте своих желаний. Как и положено «постаналитическому человеку».

Такие дела.

29. ПСИХОАНАЛИЗ И БУДДИЗМ

У Будды было «просветление» как результат сверхтравмы... Он случайно вывалился из мира персонально создаваемых для него иллюзий в мир «общей реальности» – мир страданий и смерти. И ему этот наш мир настолько не понравился, что он застыл в поиске внутри себя пути из этого кошмара в обитель счастья и покоя. И вроде бы нашел... По крайней мере в это верят миллионы людей, пытающиеся повторить этот опыт и пойти по этому пути.

И тут, как и в психоанализе, есть два варианта: можно застыть в позиции самоотношения и самоусовершенствования, а можно идти к людям с миссией для подаяний...

В основе каждого такого пути лежит уникальная личность того, кто его проложил. И нужно просто следовать его примеру, двигаться по проложенной им колее.

С травмой же сложнее. Травма – это принципиально новый опыт, по отношению к которому у нас нет никакой готовой реакции, кроме регрессии или страха. Человек, первым попавший в травматическую ситуацию, которая является типической и засасывает многих и многих, формирует защиты из ресурсов своей персональной психики.

И травма тогда перестает быть таковой для тех, кто в эту его психику вживается, вплоть до подобия телесных реакций.

Так все обстоит во фрейдизме, так и в буддизме.

30. ПРОЗРЕНИЕ ЭДИПА...

Слепой Эдип не менее, а более нарциссичен, чем зрячий. Никакие иллюзорные картинки, мелькающие на экране «внешнего мира» («восприятия-сознания»), никакие семейные проблемы или сложности управления полисом, теперь уже не застят ему истины...

Истины, заключающейся в том, что он всего лишь – человек, которому следует смирить гордыню. И гордыню своих иллюзий, и гордыню своего ослепления. Это, кстати, и есть столь изящно отрицаемый многими психоанализ. Психоанализ как «расчленение души» и как понимание того, что живет она не этими частями и даже не системой их взаимосвязей.

Принятие этой истины дарует такому слепцу чудо. В конце персонального «нарциссического туннеля» его, молча носящегося в темноте над водами БСЗ, непременно ожидает Свет и ясность прозрения. И право на пророчество...

И вот тут происходит самое главное – мы начинаем желать и осязать, видеть и слышать, говорить и молчать уже не от своего имени, а от имени живущего в нас Божества («даймона»). И это тоже психоанализ, но уже выброшенный вовне, приложенный к полю коммуникации и социальности.

Что же Эдип? – спросите вы... Что нам с ним делать? Какою из его ипостасей нам следует брать в качестве модели для идентификации: Эдипа вопрошающего, Эдипа сомневающегося, Эдипа убивающего, Эдипа наслаждающегося или Эдипа ужасающегося?

А никакого...

В этом «эдипальном квесте», сотканном из многоуровневых иллюзий и порождающем сонмы фантомов, есть лишь одна точка реального опыта. Это точка контакта со Сфинкс. Идеальный тип проживания этого мифа, который и лежит в основе психоанализа как чуда преображения, дарует нам уникальную возможность. А именно – возможность без потери личности вновь предстать перед праматеринским ликом и обрести потерянный ключ к Царству Матерей.

Обладающий этим ключом откроет теперь любые двери и раскроет любые загадки. Ибо все, во что мы вовлечены в своей жизни, проходит по воле обитателей данного Царства.

Кстати, стоит отметить, что нам здесь – в России, понять и прочувствовать этот глубинный смысл психоанализа как таинства проще, чем «коллегам», ныряющим в этот туннель из поля иных культур. Россия – это и есть воплощение Царства Матерей, а Сфинкс – это и есть наша Богиня, воплощение «русскости» как типа организации БСЗ-го.

Помните наше родное:

Россия – Сфинкс. Ликуя и скорбя,

И обливаясь черной кровью,

Она глядит, глядит, глядит в тебя

И с ненавистью, и с любовью!..

P.S. Подумалось, что сонмам слепых, живущих среди нас, по большей части нужны именно слепые поводыри. Им больше веры, они не пугают «непонятками», они просто бредут туда, куда их научили брести. Ориентируясь на лишь им понятные метки. Бредут и верят...

А там, глядишь, и ждет та самая пропасть, где всех нас ожидает наша родная Сфинкс...

31. О ВОЗМОЖНОСТИ «ОБУЧАТЬ ПСИХОАНАЛИЗУ»...

Тут все парадоксально: «своим» объяснять нет смысла, а «чужим» – бессмысленно.

С этого постулата, обесценивающего любое «преподавание» психоанализа, ЗФ, как известно, начал свои «Лекции по введению в ПА». Все его опубликованные толкования собственных сновидений – ложные, для чужих. А вот сам сновидческий материал – настоящий и совершенно «прозрачный» для своих. И эти свои по этому материалу легко все поймут и пойдут за своим флагом туда, куда он им обозначает дорогу. Так учат психоанализу, а точнее – так в него вовлекают. Другого пути просто нет; единственный фундаментальный принцип психоаналитической теории и практики звучит так: психика уникальна и существует лишь «здесь и сейчас»; звучит так и тем самым отрицает любые обобщения, законы и методики.

Непосредственным толчком к первому в новейшей истории персональному анализу было стремление ЗФ обуздать свою сексуальность, результатом которой стала шестая беременность его жены, которая, по мнению врачей, могла закончиться ее гибелью. Об как раз и «говорил» он со своим БСЗ в знаменитом сновидении об «инъекции Ирме», сделанной «нестерильным шприцом». Мы все живем в этом сне, все мы – гости в этом большом зале, приглашенные на мистерию смерти/рождения. К тому же вся отраженная в этом сне ситуация породила и сам психоанализ (1896 года рождения), воплощенный в дочери ЗФ Анне. Кстати, психоанализ немецки – женского пола...

Борясь с собой, а точнее – борясь с божественной силой полового влечения (его культурным героем, помимо прочих, был богоборец Иаков), ЗФ по-видимому совершенно случайно переоткрыл древнюю методику «майевтики», изменения через перерождение. По крайней мере тот же Сократ в свое время занимался тем же – укладывал «клиентов» на свою кушетку, но не совокуплялся с ним (как они ожидали), а наводящими вопросами стимулировал у них спонтанный рассказ о своих проблемах, материал которого он интерпретировал и обсуждал с ними. Губительному богу Эросу был противопоставлен бог Логос, также неодолимый и властный, но хотя бы телесно не губительный.

Кстати, разговоры подобного рода объясняют нашу привязанность к личной биографии Зигмунда Фрейда, изученной в ее мельчайших подробностях. Дело в том, что пройденный им психоанализ 1895—1900 годов изменил его настолько радикально, что он стал абсолютно иным человеком. Изменилось все – и характер, и стиль общения, и даже внешний вид. Исчезли телесные недуги (боли, параличи) и невротические навязчивости. Была разорвана зависимость и от Флисса и от кокаина.

И все мы стремимся повторить этот опыт, пройти по его маршруту, прыгнуть в бездну, идентифицировавшись с ним – как в своего рода водолазном костюме. Ну и, конечно же, меняемся. Хотя и не так радикально, ведь любого рода защиты снижают выраженность эффекта. При этом стоит еще помнить и о тех «новообразованиях», которые ЗФ получил по итогам своего анализа и которые мы также ненароком «подхватываем», идя по его стопам. Ведь мы проходим его психоанализ, а не свой. Проходим по его стопам, прикрываясь его образами и мыслями по поводу происходящего. Отсюда – смазанность эффекта (который еще более смазан тогда, когда психоаналитическую динамику мы запускаем в «третичном» режиме у своих анализандов.

Но это уже не публичный разговор... Хотя и необходимый.

32. ПОДУМАЛОСЬ...

Мы все время забываем, кем был в структуре созданного им психоанализа сам Зигмунд Фрейд. А был он человеком, всю свою жизнь «проходящим психоанализ». Или, иначе говоря о том же самом, превратившим в психоанализ всю свою жизнь.

Соответственно, он не был первым аналитиком, он был первым анализандом.

Быть Анализандом – значит быть Человеком с большой буквы. Человеком близким к идеалу, с прямой (не реактивной) моделью коммуникации, манифестной открытостью личностных особенностей психики и их проработанностью.

Это трудно, порою даже мучительно. Это очень затратно, причем деньги – самое малое из этих трат. Это внешне выглядит не совсем социально и даже не совсем «нормально» исходя из обыденных критериев «нормальности».

Анализанд – это длящийся синтез (тут явный парадокс – психоанализ процессуально сводится именно к синтезу) социальной личности с ее невротическими (вытесненным БСЗ) и психотическими (первичным БСЗ) основаниями.

А что такое – быть Аналитиком? Благородная позиция помочь другому перелезть через стену, отделяющую мир обыденности от мира подлинной реальности и человечности, подставив свое плечо. И вынужденно оставаясь при этом по ту сторону этой стены. Харон на своем челне лишь перевозит души в страну их вечного обитания, но сам на этот «другой берег» вступить не вправе. Но зато каждый из перевезенных платит ему свой обол...

33. В БОРЬБЕ ЗА ЛИБИДО, или ПСИХОАНАЛИЗ О «ДОМОГАНЬЕ»

С утра пораньше с передовой войны с харассментом прошла новая сводка боевых действий: миллиардер Стив Винн, друг Трампа и финансовый директор национального комитета Республиканской партии, подал в отставку после опубликования в WSJ материала о его приставаниях к женщинам, с которыми ему доводилось работать.

Что ж, судя по всему всех демократов из Голливуда уже публично кастрировали, дошла очередь и до их торжествующих политических оппонентов.

Ну что, моги, как сказал бы Александр Секацкий, помогло вам ваше могущество?

Да, вы можете, вы могучи, вы домогаетесь объекта своего желания. Но эта ваша мощь ныне девальвирована до уровня немощи...

Кстати, Владимир Даль, от имени русского языка, так объясняет природу домогательства:

ДОМОГАТЬ, домочь кого, одолевать, осиливать... Домогаешь ли? Каково домогаешь? как можешь, здоров ли? Домогаться, домочься чего, усиленно искать чего, стремиться; добиваться, желать достигнуть...

Тут больше всего умиляет вот это – «Каково домогаешь, здоров ли?».

И вот облом. Культура постиндустриального общества вышла на новый виток «мобилизации либидо»: фоновое и тотально провоцируя энергетику полового влечения («либидо», или по-русски – «домоганья»), она уже не довольствуется ее сублимацией или смещением ее по цели, что оставляет пространство для «невинного флирта». Она теперь тотально запрещает любое проявление сексуального желания.

Зигмунд Фрейд, как обычно, торжественно восклицает: «А я вас предупреждал!». Давайте вспомним его предупреждение:

«Человек располагает ограниченным количеством психической энергии, а потому он должен решать свои задачи путем целесообразного распределения либидо. Затраченное на цели культуры отымается главным образом у сексуальной жизни... Посредством табу, закона, обычая вводятся ограничения, касающиеся как мужчин, так и женщин. Не все культуры заходят здесь одинаково далеко; экономическая структура общества также оказывает влияние на меру остающейся сексуальной свободы. Мы уже знаем, что культура действует принуждением, отнимая у сексуальности значительную часть психической энергии, каковой культура пользуется в своих целях. При этом она обращается с сексуальностью подобно племени или сословию, подчинившему себе и угнетающему другое. Страх перед восстанием угнетенных принуждает ввести строжайшие меры предосторожности... Культура не желает знать сексуальности как самостоятельного источника удовольствия и готова терпеть ее лишь в качестве незаменимого средства размножения».

Мрачновато, но не фатально. Фрейд здесь же, т.е. в «Неудовлетворенности культурой», показывает, что сильный индивид все же может противостоять этому давлению и у него даже есть определенные шансы на компенсацию:

«Всеобъемлющему вмешательству в их сексуальную свободу поддавались лишь слабые натуры, тогда как сильные терпели его при наличии компенсаций... Культурное сообщество было вынуждено молча терпеть многочисленные нарушения, которые заслуживали преследования в согласии с установленными требованиями. Но не следует заблуждаться относительно безобидности такой установки культуры по причине недостижимости всех ее целей. Сексуальная жизнь культурного человека все же сильно покалечена и производит впечатление такой же отмирающей функции, как наши челюсти или волосы на голове».

И вот – на тебе! Прямо на наших глазах культура закрывает все лазейки для компенсации, лишая могов их могущества, их права на домогательство как проявление психосоциальной полноценности. Культурное сообщество явным образом перестает «молча терпеть многочисленные нарушения, которые заслуживали преследования в согласии с установленными требованиями». И преследование остатков племени «сексуальных могов» проводится с соблюдением строжайших мер репрессивной предосторожности.

Самое странное в этой истории заключается в том, что и психоаналитики массово вступили в ряды борцов с харассментом, забыв о позиции своего классика и презрев его надежду на то «вечный Эрос» все же сможет устоять и защитить своих носителей от их самих, от их стремления превратить свою сексуальную жизнь в отмирающую функцию, трансформировать Эрос в Танатос, «домоганье» в «умиранье».

Правда, речь тут идет не о нас с вами, мои читатели. Все это происходит в Соединенных Штатах, в зоне уникального социокультурного эксперимента. Где культура не имеет ритуальной традиции, не укоренена в наследуемые защитные (от нее – защитные) ритуалы обыденности. Американская культура потому не человечна; она самодовлеющая, культурна сама по себе. И потому с точки зрения психоанализа она предельно интересна для изучения (исследовательский проект «American Imago» поддерживается сегодня усилиями многих тысяч психоаналитиков и «психоаналитически ориентированных» гуманитариев). Но одновременно – она для нас предельно отвратительна, как воплощение того жестокого и безжалостного монстра, который и калечит тела и души наших подопечных.

Именно поэтому, кстати, Фрейд даже под гнетом угрозы для жизни (и своей, и своих близких) решительно отверг предложение Буллита вывезти его из ставшей нацистской Австрии в США.

Но все это не значит, что мы, российские аналитики, не должны поглядывать в сторону этого «культурного беспредела». Не должны оценивать опасность нового витка «культурной экспансии», не должны диагностировать ее патогенность, не должны осматриваться вокруг себя в поисках признаков этой новой напасти, в перспективе угрожающей всему человечеству, а не только тому «Граду на Холме», который ныне стал зоной этой эпидемии.

Да, мы – другие; и наша культура – иная. Но она иная именно потому, что иные мы. А по сути своей она такая же, как и в Штатах и также несет в себе опасность такой же античеловеческой ригористичности, порождающую и поддерживающую, по словам Фрейда «психологическую нищету масс».

И в заключении приведу еще одну цитату из «Неудовлетворенности культурой»:

«Современное культурное состояние Америки дает хорошую возможность для изучения этой ущербности культуры».

И этот призыв звучит сегодня актуально, как никогда...

34. О СОПРОТИВЛЕНИИ ПРИОБРЕТЕНИЮ ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОГО ОПЫТА

Недавно в сети был выложен и стал сверхпопулярным видеоролик о том, как выглядят люди, поднявшиеся на трамплин для прыжков в воду, но так и не решившиеся прыгнуть. То же происходит и с теми, кто лезет на вышку психоанализа, гордо поглядывает с нее на прочих людей, поглядывает сверху вниз, но прыгнуть так и не решается... А вместо того начинает обживать эту маленькую площадку, останавливая тех, кто поднимается на нее для прыжка, и заряжая их своими страхами. А ведь потенциально бесконечные глубины были так близки. Нужно только оттолкнуться и прыгнуть... Проблема тут только в одном – то, от чего мы в психоанализе «отталкиваемся», мы полагаем единственно мыслимой реальностью.

А это всего лишь коллективное сновидение; и мы можем просто проснуться...

К тому же в психоанализе было немало тех, кто реально прыгнул (хотя и не очень много). И они, а прежде всего – наш «первопрыгатель» Зигмунд Фрейд, создали для тех, кто прыгает их стилем, своего рода бассейн – подробно прописанную виртуальную реальность, системную иллюзию, вполне пригодную для житья. Где ты очень многое теряешь (почти все, даже часть себя), но и приобретаешь немало. Но можно прыгать и без подготовки, просто взять – и вывалиться из общей реальности в индивидуальную. Там тоже есть чем заняться, но этот опыт не социализируется.

P.S. Редактируя текст этой книги, я, после долгих сомнений, решился выйти за пределы жанра дидактических притч и хотя бы раз открыть читателю правду о том постаналитическом состоянии, в которое его так усердно заманиваю. «Психоаналитичность», которую мы обретаем, проходя по «фрейдовской тропе», открывает нам множество тайн и одаривает нас многочисленными дарами. Но среди этих даров есть и такие, которые трудно принять как благо. Так, к примеру, БСЗ полагает, что человеку, находящемуся с Ним в постоянном соприкосновении, еже не нужны прочие, опосредованные телесностью, формы контакта с Ним. Такие как, к примеру, сновидения. Или – сексуальность. Такие дела...

Сам ЗФ был в шоке от такого эффекта, но потом все понял и принял его как дар.

35. О КРИТЕРИЯХ «ПСИХОАНАЛИТИЧНОСТИ»

Сегодня, когда психоанализ и психоаналитическая психотерапия спутаны до стадии нераспутываемого, а только в перспективе разрубаемого узла, критерии «психоаналитичности», по своей природе сугубо качественные, начали путать с критериями «тренинговой психоанализированности», фиксируемыми исключительно в количественных параметрах.

Думаю, что многое тут изменится, если мы начнем манифестировать и обсуждать качественные аспекты своей психоаналитической трансформации.

Мы ведь знаем, к примеру, как выглядит и какими качествами обладает человек верующий (как бы ничтожно мало их ни было, но они есть).

А как выглядит и какими качествами обладает «постаналитический» человек?

Пока же все вывернуто наружу, буквально как в фильме «Кин-дза-дза»: ты что – дальтоник? Не видишь – какого цвета мой Сертификат?..

36. ДЛЯ МЕНЯ ПСИХОАНАЛИЗ ЕСТЬ...

Для меня психоанализ есть признание себя и обнаружение, что другие – это зеркала, где мы видим все тех же себя. Но видим по-разному... Это непривычно, но зато хотя бы одной неразрешимой проблемой мы не страдаем (я имею в виду проблему интерсубъективности).

Стоит добавить, что сами мы тоже можем становиться зеркалами, но лишь в ситуации, когда превращаемся в реквизит, необходимый для того, чтобы запустить психоаналитический процесс в Другом, в том, кто сам хочет стать «постпсихоаналитическим» человеком и платит нам за это.

Для психоаналитика как носителя особого типа психической организации такая позиция настолько разрушительна, что относительно быстро лишает его всех психоаналитических достижений. И потому заниматься подобного рода монетизацией своей «психоаналитичности» следует лишь в случае крайней нужды.

Да и в таком случае следует выстраивать защиты: прятаться за кушетку, рассеивать внимание и ничего не записывать, концентрироваться на контртрансфере, ритуально опосредовать отношение к пациенту (Зигмунд Фрейд, к примеру, вводил в аналитическую ситуацию своих собак), и пр.

37. О ТРАВМАТИЧЕСКОМ ОПЫТЕ

Можно сказать, что все люди без исключения инициированы травмой. Очеловечивание и есть травматизация, а постлатентная наша жизнь вообще вся без исключения проходит в режиме посттравматического синдрома. Поняв это, Фрейд в 1918 году прекратил призывы к обобщению клинических экспериментов, а все подкреплявшие эти призывы «пивные гранты» раздал коллегам, психоаналитически прояснившим синдром «военного невроза».

Можно даже сказать, что человек, проходящий психоанализ, как бы попадает на войну и гибнет на ней. В том смысле, что он (тут даже я не рискнул бы говорить от первого лица) сталкивается с таким нечеловеческим опытом, что вынужден отказаться от своей человечности, отбросить ее как нечто опасное в своей сверхуязвимости, интегрировать ее в структуру Эго, сделать реактивной защитной маской (как у хоккейного вратаря).

И становится неуязвим, начиная говорить о людях – «они», а о культуре травматизации, штампующей этих людей, как о вредоносной гадости...

38. О ПСИХОАНАЛИЗЕ КАК «ЗАРАЗЕ» и «АНТИ-ЗАРАЗЕ»...

Фрейдизм изначально был своего рода «заразой» (чумой, по метафоре самого Фрейда), таковой и остается донныне... Психоаналитический вирус многокомпонентен. В клинике он сводится к инфицированию теми болезнями, которые мы умеем если не лечить, то симптоматически регулировать – неврозом переноса и психозом переноса.

Но более важна наша миметическая зараза для культуры: мы в режиме инфицирования заставляем людей подражать культуре 19 века, как образчику социально-психического здоровья и как панацее от всех проявлений многоликой «чумы 20 века», симптомами которой мы все до сих пор страдаем.

39. ОБ АКТУАЛЬНОСТИ «РОЖДЕНИЯ ВО ФРЕЙДЕ»...

Фрейд не устарел, так утверждающие не правы. Он не может устареть, поскольку каждый раз рождается заново вместе с каждым новым психоаналитиком. Ну а то, что он рождается ныне в душах не такого уж большого количества людей, это проблема, но не беда...

Иисус тоже рождается вновь во все уменьшающемся количестве душ. Но ведь рождается же... А значит – чудо возможно.

Зато у нас пока еще все идущие по фрейдовскому пути ложатся на кушетку и досбросовестно на ней страдают. А не носят ее на шее в качестве модного аксессуара, как христиане свое распятие. И на том спасибо...

40. ПРАЗДНИЧНОЕ

Сегодня, в день рождения Фрейда, вспомнилось по поводу – какую цитату из «Энеиды» выбрал сегодняшний именинник для своего «Толкования сновидений»: *«Если мне не удастся потревожить всевышних богов, то я потрясу Ахеронт»...*

Ахеронт и поныне трясется. А вот всевышние боги и вправду не потревожены психоанализом. Фрейд посчитал, что они просто уже мертвы...

Ведь он тыкал их в самые болезненные места.

41. ОТВЕТ ОЛЬГЕ ОДИНЦОВОЙ

Вы очень точно, Ольга, указали на дорогу в этот Ад, который лежит в конце всех наших психоаналитических благих намерений: «Ведь наша задача: думать, осознавать. Для того, чтобы и самим не попасть в тенета и чтобы не стать для наших клиентов разрушителями, а не целителями»...

Какая благородная позиция, и к каким ужасам она в итоге приводит! Как легко быть думающим за другого «раненым целителем», и как непросто оставаться на изначально выписанной для нас позиции недеяния, позиции разрушителя (аналитика как «расчленителя»), отказывающегося «осознавать».

Раз уж тут все привыкли медитировать над цитатами, приведу тоже парочку.

Одна из них – из известного письма Фрейда Юнгу: *«Я часто твержу себе для успокоения совести: только не стремись исцелять! Учиться и зарабатывать деньги – вот самые полезные и ясные представления о цели».*

Ну а вторая – из инструктивного фрейдовского доклада «Пути психоаналитической психотерапии»: *«...помните о том, что пациента сделала больным фрустрация, что его симптомы служат ему заменой удовлетворения. Во время лечения вы можете наблюдать, что всякое улучшение его болезненного состояния замедляет темп выздоровления и уменьшает силу, побуждающую его к излечению. Какой же вывод нам неизбежно напрашивается? Как бы жестоко это ни звучало, мы должны заботиться о том, чтобы страдание больного в какой-либо действенной степени не закончилось преждевременно. Если оно было ослаблено разложением и обесцениванием симптомов, то мы должны каким-то образом его возобновить ...».* Такие дела...

42. ДАРЫ ПСИХОАНАЛИЗА

У живого психоанализа, т.е. психоанализа переживаемого, а не «изучаемого и профессионально применяемого», скукожившиеся корешки которого в российской почве я продолжаю теребить с любовной бесцеремонностью, есть множество призов, которыми он одаривает своих адептов.

В той комнате счастья, которую мы, как сталкеры, ищем в зоне БСЗ-го и которую помогаем найти там нашим клиентам, есть дары для каждого.

И никто оттуда не уходит обиженным...

Этих даров, повторяю, очень много. По большому счету я только о них и рассказываю, раздавая, как из рога изобилия, путеводители к залежам чудесных обретений тем, кто в них «по жизни» нуждается.

И кто, услышав зов от своего БСЗ-го, готов к контакту с последним, используя психоаналитика как медиатора.

И это уже не клиника, это – психоанализ как жизнь в ее максимально возможной степени свободы...

Менеджерам я рассказываю о том, как получить от БСЗ-го ресурс власти, бизнесменам – ресурс богатства, криейторам – ресурс творчества, педагогам и родителям – ресурс общения с Ребенком, трейдерам – ресурс погружения в психодинамику рынков, медийщикам – ресурс сублиминального контроля, и т. д.

Говоря языком культового фильма, я обучаю доверившихся мне людей выходить из Матрицы, но при этом не воевать с демонами БСЗ-го, питающимися энергией наших телесных желаний, а использовать их силу и их власть над людьми в своих собственных интересах.

Главное тут понимать, что дары эти идут в качестве бонуса за внимание к себе, за уважение к БСЗ и стремление понять его волю, за психоаналитичность как стиль жизни, за мудрость, т.е. понимание меры своей ответственности за каждое движение в пограничной с БСЗ зоне. Где не только зарыты клады ничем, кроме наших страхов, не ограниченных возможностей, но и таятся весьма опасные и еще никем не прирученные демоны...

43. ПОДБЕРУ МУЗЫКУ К СЕБЕ: ПСИХОАНАЛИЗ КАК НАСЛАЖДЕНИЕ

Раз уж сам я по ряду причин нарушил завет недеяния и вернулся с финальной ступени своего анализа обратно в область растворенности психоанализа в прикладных практиках, то почему бы мне не поделиться всем, что знаю и умею в области «прикладного» психоанализа.

Тем более что владение нашими знаниями делает их носителей не только успешнее, но и психоаналитичнее, т.е. мудрее; психоанализ в этом отношении есть, пожалуй, самая щадящая методика целевого манипулирования индивидуальной, групповой и массовой глубинной психодинамикой (об этом говорит вам и мое БСЗ, заставившее меня сначала написать «пожалей» вместо «пожалуй»).

Но самый ценный из даров живого психоанализа не может быть привязан к какой-либо конкретной области профессиональной деятельности. Этот дар мы, как правило, обретаем при доведении своей «психоаналитичности» до той стадии, когда проанализированная часть нашей психики из «рабочего инструмента» превращается в инструмент своеобразного и уникального наслаждения.

Не бойтесь, коллеги, я тут не стану раскрывать все наши интимные тайны, вытаскивая напоказ неведомые непосвященным психоаналитические радости. Любопытствующим же из-за стены отвечу, что эти радости доступны всем: заходите и наслаждайтесь. Только заплатите за вход; прежде всего – годами жизни, потраченными на зачатие себя на кушетке, на вынашивание и рождение себя в пространстве психоанализа. Нашу стену не перепрыгнешь; нужно «просто» умереть там и родиться здесь...

Расскажу, пожалуй, только о главном – основой такого наслаждения является, прямо как у античных стоиков, столь любимых Фрейдом, периодически случающееся прекращение страдания, в целевой перспективе переходящее в свободу от телесной зависимости. Того самого страдания, которое мы не только генерируем вокруг себя в качестве психокоррекционной процедуры, но и принимаем в качестве единственно возможного пути к собственной трансформации.

Мы прекрасно помним, что искомое нами состояние «улыбки Будды» достижимо только через принятие и интеграцию страдания. И фиксацию моментов счастья, когда (помните слова Фрейда из его интервью Виреку) в твоём теле и твоей душе уже ничего не болит.

И в эти мгновения в нашу душу входит МУЗЫКА...

Входит, обустраивается в ней и становится ее, нашей души, формой существования. Объединяя при этом в едином экстатическом переживании все пласты нашего БСЗ, обычно столь враждебные нам, а здесь – радующиеся вместе с нами. Психика начинает звучать, как арфа, пробуждаемая малейшими дуновениями наших реакций, освободившихся от боли и страха. А уж окунувшись в музыкальную среду, особенно – в среду музыкальной классики, наша душа становится подобна (как описывал ее в этой ситуации Платон) птенцу, выпавшему из гнезда и услышавшему родные звуки птичьего пения.

Каждый, кто дошел в своем психоанализе до значимых и осязаемых результатов, подтвердит это. Подтвердит молча, улыбаясь и что-то напевая...

А один из величайших «первого призыва», Теодор Райк, даже проговорился об этом публично в своей книге «The Haunting Melody: Psychoanalytic Experiences in Life and Music», сравнив наше БСЗ с навязчивой мелодией, а нас – с инструментами, которые можно «просто» настраивать, коррелируя их звучание с огромным богатством музыкальной культуры.

16. КАК РАССКАЗЫВАТЬ О СМЫСЛЕ ПСИХОАНАЛИЗА ПОСТОРОННИМ...

Смерть – это и вправду Солнце нашего психоаналитического мира, и только это черное Солнце может осветить (и освятить) природу и смысл БСЗ как нашего Бога. Но обожествляем мы не Смерть, а отражение Смерти, бросаемую ею на нас тень...

Я просто не могу сразу бросить читателя в эту бездну, разверстную, как им кажется, где-то вдали... А она не вдали – вот она, совсем рядом, прямо за спиной у Сфинкс.

А если честно, я пока вообще не понимаю – как рассказать о смысле психоанализа Посторонним. Тут как у Набокова в «Ultima Thule» можно только намекать и допускать невольные утечки. Вот я и намекаю, ожидая реакции, чтобы понять – где зоны живого сопротивления, а где – мертвые зоны (в которых «уже можно» ...).

Наш древний коллега мучился точно также: *«И, приступив, ученики сказали Ему: для чего притчами говоришь им? Он сказал им в ответ: для того, что вам дано знать тайны Царствия Небесного, а им не дано, ибо кто имеет, тому дано будет и приумножится, а кто не имеет, у того отнимется и то, что имеет; потому говорю им притчами, что они видя не видят, и слыша не слышат, и не разумеют...»*.

Печальнее всего, что никто не желает слушать Пророка и идти по его стопам. Мне где-то тут один «психоаналитически ориентированный психотерапевт» возразил на мое к нему предложение осваивать фрейдовский аналитический опыт. Возразил так: «а почему фрейдовский, а не свой!?». И вот что тут ответишь?.. Каждый хочет гулять по этому минному полю своими дорожками. И это даже не гордыня, это – слепота. В их мире слеп Эдип, а в нашем он зряч, но зато слепы все остальные...

P.S. Последнюю ситуацию лучше всего ЗФ описал в своем известном письме к Юнгу от 06.12.1906 г. Он пишет там, что людям, не имеющим опыта реального соприкосновения с БСЗ и воспринимающим ПА как разновидность психотерапии *«бесполезно что-либо объяснять; поэтому кое-что из того, что выходит за рамки терапии и ее механизмов, я предпочел сохранить для себя или представить таким образом, чтобы меня поняли только люди посвященные...»*.

45. ДОСТОЕВСКИЙ...

В нашей культуре Достоевский – это и есть основа психоанализа «русскости». Особенно это касается романа «Братья К.», из которого, кстати, и ЗФ черпал свои знания о природе русского типа БСЗ. В контексте психоаналитического подхода к художественным произведениям тут только следует непременно отметить, что анализируются автором не персонажи и их поведение, а персонификации отдельных компонентов его собственной психики. Именно поэтому все это и называется психоанализом, т.е. «расчленением души»...

46. О ВЕЧНЫХ ПАЦИЕНТАХ

Рано или поздно это должно было случиться. Психоанализ, вывернутый наизнанку и ориентированный на трансформацию не себя, а другого, неизбежно порождает некое самовоспроизводящееся сословие «вечных пациентов». Их боль локализована в аналитических кабинетах, куда они за нею и приходят. И вынуждены быть социальными вне рамок этой зоны боли, чтобы иметь деньги на оплату пребывания в ней.

Кто-то скажет – вместо 2000 часов анализа он мог бы купить себе квартиру на Манхэттене. Но у него без этих часов не было бы средств ни на что. Он просто сидел бы в углу и злобно плакал...

47. ПСИХОАНАЛИЗ РОЖДАЕТСЯ И ЖИВЕТ ТОЛЬКО В...

Психоанализ и рождается и живёт только в пространстве самоотношения, в непрерывном диалоге с собой. Входить в него, правда, лучше и безопаснее по уже апробированной модели, по чужой, в идеале – фрейдовской, «тропе».

Но войдя, нужно придушить проводника, чтобы он не переформатировал нас по своему образу и подобию. И начинать анализ, по крупинке отбирая себя настоящего из того хлама, из которого мы, по большей части вынужденно, строили свою первичную, пока еще фантомную, «психоаналитичность».

В том числе – и книжного хлама...

48. В ОСНОВЕ ВОЗМОЖНОСТИ ПСИХОАНАЛИЗА КАК ПРОФЕССИИ ЛЕЖИТ...

В основе самой возможности психоанализа как профессии лежит явный парадокс: прежде чем «практиковать» психоанализ нужно быть психоаналитиком.

И наоборот: стать психоаналитиком можно только по мере накопления опыта психоаналитической «практики».

Это старая история про яйцо и курицу, в которой к тому же еще непонятно, чем мы вообще тут торгуем – яйцами или же курятиной.

Но разрешается этот парадокс просто: психоанализируем мы себя, и только себя. Порою, чтобы немного заработать, анализируем себя в контексте присутствия рядом с нами другого человека или группы людей.

Но с точки зрения нашей «психоаналитичности» как таковой это не обязательно, ибо вносит помехи в наш анализ.

Что же касается «психоаналитического обучения», то и тут все не просто. В психоанализ можно войти различными путями, психоаналитиком, наконец, можно просто родиться. Но стать психоаналитиком, обучаясь в институте и получив соответствующий диплом – это бессмыслица запредельного уровня...

Речь ведь тут идет об особом рода психической аномалии; такому за партой не научишься.

49. И СНОВА – ДОСТОЕВСКИЙ

Масса живёт ресурсами психики Младенца и Дикаря. И потому для неё органичен психоз, а не невротичность. Для истерии же нужно реальное тело с его подавляемыми деланиями и первичными влечениями. Что же касается отечественной массы, то она как раз предельно телесна, в силу деятельной привязки к Танатосу как единственному своему богу. И потому при явном наличии у неё стандартных паранояльных и шизоидных проявлений, её психика строится по эпилептоидному типу.

И потому Достоевский – это наше все...

50. ОБ ОБРАТНОЙ СВЯЗИ ПРИ ПОПУЛЯРИЗАЦИИ ПСИХОАНАЛИЗА (ответ Екатерине Затримайловой)

Мы кидаем камни в эту реку либо для того, чтобы похвастаться – как далеко они улетят и как много раз подпрыгнут, либо для того чтобы полюбоваться кругами на этой воде от нашего камня. Мне на самом деле больше интересно именно второе, как вижу и Вам.

Что же касается «молчания коллег»... Наши коллеги – это те, кто путешествует (с нами или же в сами по себе) в темноте бессознательного. Кому там неуютно и страшно и кто ищет любую поддержку и опору, радуется каждому инсайту, подсвечивающему путь. Так что тревожиться нужно не об отсутствии отзывов от коллег, а о том – как мало их – коллег, и как много имитаторов нашей коллегиальности.

Которые не приняли на себя ужасы «эдипальной слепоты» и «хождения во тьме», а просто хитро прищурились...

51. АФИНЫ И СПАРТА: ОДНО ДЕТСКОЕ ВОСПОМИНАНИЕ БОРИСА ДЖОНСОНА

Буквально вчера, 17 декабря 2017 года, русская служба ВВС огорошила нас известием о том, что министр иностранных дел Великобритании Борис Джонсон сравнил Россию со Спартой.

Накануне визита в Москву, неоднократно, кстати, откладываемого ввиду нарастающего охлаждения отношений, он дал большое интервью газете «Sunday Times», где предался детским воспоминаниям и историческим аллюзиям:

«Когда я был ребенком, Россия навевала страх. Идея о дружбе с Россией казалась абсурдной... Я читал историю Пелопонесской войны Фукидида. Мне было очевидно, что Афины и их демократия, открытость, культура и цивилизация являются аналогом США и Запада. Россия мне казалась закрытой, недружелюбной и антидемократичной, как, Спарта. Был удивительный период надежды и перемен, когда была разрушена Берлинская стена, и внезапно все засияло в новом свете. Сейчас это кажется иллюзией».

Ну что ж – давайте поговорим об этом. Да и что может быть более интересно для психоаналитика, чем тема детских воспоминаний и взрослых иллюзий. Да еще и у такого интересного персонажа...

Спасибо, Борис... Не знаю, случайно ли, но ткнув вчера вечером на кнопку телевизионного пульта я сразу же наткнулся на фильм «300 спартанцев» и как-то совсем по-новому его пересмотрел.

Особенно остро в контексте предлагаемых британским министром культурно-исторических параллелей воспринимается сегодня финал картины, где упорным героям предлагают любые блага за смирение перед лицом надвигающегося к границам их Родины инокультурно монстра. Смирись с неизбежным, преклони колени перед неодолимым, прими чужое как ценность и отрекись от себя, как это уже сделали трусливые или же алчные предатели, и ты получишь все, что пожелаешь. Кроме права быть собой...

Борис прав – Россия и Запад, подобно Афинам и Спарте, всегда были и всегда будут носителями разных ценностей и разных иллюзий.

Западные иллюзии, воплотившиеся в практике толерантности и мультикультурализма, демократии и наднационального глобализма, прогресса и модернизации, выглядят вполне привлекательно.

Российские же иллюзии, воплотившиеся в практике национально-культурной исключительности, ксенофобии, вождизма и традиционализма, извне кажутся и вправду мрачноватыми. Прямо Мордор какой-то...

Но это при взгляде со стороны. Для нас же, спартанцев, это облик Родины, защита которой оправдывает все. Типичный афинянин спросит: защита от кого? Где ваш враг, не иллюзия ли это, мешающая вам жить? Нет, не иллюзия. Мы знаем об этом и помним об этом. Этот враг волна за волной накатывался на нашу Родину, убивая нас миллионами и стремясь к нашему полному уничтожению. И накатывался в последние столетия исключительно с Запада. Такие дела...

О несовместимости этих иллюзий, афинских и спартанских, на днях нам напомнил российский президент, рассказавший на пресс-конференции такой вот анекдот: «Отец – бывший офицер, спрашивает сына, не видел ли тот его кортик. На что сын отвечает, что поменял кортик во дворе на часы. Отец говорит: «Покажи часы. Да, хорошие. А если завтра придут бандиты к нам, убьют меня, мать, братьев твоих, сестру изнасилуют. А ты им что скажешь? «Добрый вечер, московское время 12 часов 30 минут»?»

Вот это и есть – голос Спарты... Нравится это кому-то, или нет...

Мы все воспитаны на этих иллюзиях и мифах, на традиции «могучего и лихого племени», «богатырей», самоубийственный героизм которых не раз спасал Россию от нашествий афинян.

Помните:

Полковник наш рожден был хватом:

Слуга царю, отец солдатам...

Да, жаль его: сражен булатом,

Он спит в земле сырой.

И молвил он, сверкнув очами:

«Ребята! не Москва ль за нами?

Умремте же под Москвой,

Как наши братья умирали!»

И умереть мы обещали,

И клятву верности сдержали

Мы в Бородинский бой.

А как же Афины? Афинам сегодня не позавидуешь, не случайно Борис Джонсон был одним из лидеров «брексита», т.е. отделения Британии от Европы, ставшей объектом очередного массового инокультурного нашествия варваров. Но у Афин тоже есть свое оружие; это оружие культуры и демократии, терпимости и жертвенности. Это иллюзия силы, но эта иллюзия и эта вера потенциально способны превратить варварскую орду в европейцев, окультурить и интегрировать их в мир афинских мифов и ценностей. Что ж – пожелаем им удачи. Ведь такое бывало: мы знаем что нынешние обитатели европейских Афин – бывшие гунны, вандалы, готы и пр. – некогда тоже «понаехали» с Востока...

У нашей Спарты же – своя история, свой психотип и свое будущее. При любом нашествии мы умираем, но не сдаемся, не перенимаем логики чужого мира, предпочитая чужому миру родную и понятную нас логику войны. И уж тем более не открываем свои объятия завоевателю, рассчитывая на его итоговое растворение в нашей культуре и нашей цивилизации (ау, Борис, и у нас они есть к Вашему удивлению...).

Но жива ли в нас эта Спарта сегодня, когда вроде бы жизнь наладилась, а смертельное самопожертвование ушло из обыденности на экраны кинотеатров?

А давайте проверим и проведем небольшой тест: просто включите в памяти классическую спартанскую песню, памятную всем людям моего поколения и заканчивающуюся вот этими словами:

Ты должен быть сильным, ты должен уметь сказать:

Руки прочь, прочь от меня!

Ты должен быть сильным, иначе зачем тебе быть.

Что будет стоить тысячи слов, когда важна будет крепость руки?

И вот ты стоишь на берегу и думаешь, плыть или не плыть.

Мама, мы все тяжело больны...

Мама, я знаю, мы все сошли с ума...

Чувствуете мурашки по телу? Это он и есть спартанский дух... Он жив в нас и ничего с этим не поделаешь. А если он жив, то ничто нас не заставит поменять свой кортик на часы...

Как пел тот же Цой – «Смерть стоит того, чтобы жить...».

P.S. Многие, я думаю, ожидали, что я проанализирую самого Бориса, опираясь (как ЗФ в случае с Леонардо) на рассказанное им детское воспоминание. Отнюдь, ведь психоанализ – это всегда о себе, здесь и сейчас.

Но все же скажу и о нем пару слов. Он ведь не случайно так «заточен» на тему Афин и Спарты. Выбор «брексита» говорит о том, что не все верят в афинские ценности. Сегодня

нужно быть скорее спартанцем. И Борис Джонсон – еще тот спартанец, клейма ставить некуда. Откуда же у британского парня спартанская грусть? Личную историю я трогать не буду, сошлюсь на генетику – и российскую, и еврейскую.

Кстати, не стоит забывать, что на границе Востока и Запада есть еще одна Спарта – государство Израиль.

Но это уже совсем другая история...

52. ГОЛОСУЮТ ЛИ ПСИХОАНАЛИТИКИ НА ВЫБОРАХ?

Если под человеческими качествами иметь в виду приверженность массовым иллюзиям, то да, мы их лишены по определению... Но голосовать, конечно же можно и по иным основаниям. Скажем – для обозначения своей этической или эстетической позиции. Или из сочувствия. Или по приколу. Или из вредности...

Грубо же и откровенно это звучит так: отведя отару к месту стрижки пастухи могут и сами сходить подстричься. А могут и не ходить... Но они не считают и не могут по определению считать, что стрижка – это цель существования, благородный долг или нечто столь же пафосное.

Я уже писал как-то одному из своих корреспондентов, человеку, причастному психоанализу как метальному состоянию, достигаемому многолетним тренингом, что идеалом финальной реализации этого состояния является позиция неделания и неучастия. Нечто вроде покоя улыбающегося Будды. Но невозможность такой позиции в нашем мире толкает нас на воспроизводство своей «психоаналитичности» в рамках существующих профессий и на попытки ее продажи в качестве рыночного продукта. Заставляет выходить к людям из пространства своей, до самых пределов возможного, расширенной психической реальности. Выходить, выставляя на продажу именно свою «инаковость», отличность от «обычных» людей. И тут начинаются компромиссы и сложности. По крайней мере, когда мы дискутировали тут, в моей ленте, о проблемах некодифицированной психоаналитической этики и я предложил коллегам для обсуждения 10 заповедей психоанализа, то десятой, самой конкретной и самой практически значимой из этих заповедей было требование преодолевать в себе человека...

P.S. Стоит тут добавить, что я был предельно удивлен, даже поражен, обнаружив перед последними «выборами» красные полоски маркеров социокультурной маргинальности – «Я НЕ ГОЛОСУЮ!» – на сетевых аватарах некоторых (что характерно – очень немногих) коллег по психоаналитическому цеху.

Коллеги, опомнитесь, вы что творите? Склонность психоаналитиков к самомаргинализации (которой страдал даже Фрейд, создавший миф о нашей принципиальной гонимости и оппозиционности) уже давно проанализирована и разъяснена как проявление внутренней борьбы с психоанализом, как сопротивление психоанализу у самого психоаналитика. Но все это можно и нужно прорабатывать в рабочем режиме, зачем же хвататься за бытующие в социуме коллективные симптомы и гордо предъявлять себя как их носителя.

Да, мы с вами никогда ни за кого не голосуем, мы просто знаем – что такое власть и откуда она берется. Явно не из урны с бумажками...

Знаем и работаем в своих кабинетах с динамикой этой власти, являясь экспертами по ее генерированию, удержанию и использованию. А любого рода манифестации политической нелояльности с нашей стороны могут привести только к одному. Свои комплексы «гонимой и репрессированной науки» мы потешим в очередной раз, но при этом в очередной опять же раз проиграем в борьбе с конкурентами при выборе веры (идеологии), к процедуре которого наши власти приступят в ближайшее время. Даже не проиграем, а просто не будем к ней допущены. И вот тогда и вправду станем гонимыми и репрессированными (думаю, правда, только в идейном плане) «иностранными агентами».

Свои корпоративные комплексы при этом мы потешим, переведя фантазийное страдание в реальное, но шансы реализации своей миссии по терапии культурного сообщества упустим.

В очередной раз...

Р.Р.S. И еще. Любая задержка на пути желания, любое его целепреграждение, порождает набухание агрессивной неопределенности. И простое действие – засунуть свой голос в урну – трансформируется в сложное и в перспективе перверсивное (и очень многословное) «молчание».

Хотя образ «неголосующего протестанта» интересен – я оставляю свой голос себе... Голосую только за себя... Но это уже не выбор, это просто узурпация роли урны.

53. О ЖИВОМ ПСИХОАНАЛИЗЕ И ЕГО МЕРТВЫХ ПРОРОКАХ

Зацепил меня сегодня утром один материал, случайно попавшийся на глаза при работе с архивом. И я подумал – а почему бы не поделиться этой своей реакцией? Тем более, что искры живого психоанализа так редко вспыхивают сегодня на поле современной психоаналитической прагматики.

Речь идет о знаменитом интервью, которое Жак Лакан дал миланскому еженедельнику «Рапогата» осенью 1974 года. Интервью это было им надиктовано в дни работы римского Конгресса «École freudienne», того самого Конгресса, где Жак-Аллен Миллер публично прошел «инаугурацию», впервые выступив с докладом в качестве наследника Лакана и организатора «лакановской школы» психоанализа.

При всех симпатиях к зятю, Лакан явным образом был уязвлен подобного рода «надгробной речью». И потому это его интервью воистину уникально – в нем ощущается нарочитый дух живого психоанализа, говорящего с нами устами одного из своих великих пророков.

Вот только вслушайтесь в его начало:

– Профессор Лакан, мы слышим все чаще и чаще о кризисе психоанализа: ходят слухи, что Зигмунд Фрейд устарел, а современное общество обнаружило, что его доктрины более недостаточно, ни чтобы понимать человека, ни чтобы дать глубокую интерпретацию его отношения с окружающей средой и миром...

– Это небылицы. Во-первых, нет никакого кризиса. Он отсутствует. Психоанализ еще не достиг своих пределов, но напротив: еще многого предстоит достичь как в практике, так и в области доктрины. В психоанализе нет сиюсекундных решений, но только долгое и терпеливое исследование ответов на вопрос «почему».

Его доктрина поставила под вопрос истину – вопрос, который касается каждого лично. Ничего общего с кризисом. Я повторяю, мы далеки от [понимания] целей Фрейда... Эпигоны не всегда верно следовали [фрейдовской] модели, что и создало путаницу.

После его смерти, в 39-ом, некоторые из его учеников даже претендовали заниматься психоанализом иначе, сводя его учение к нескольким маленьким банальным формулам: техника как ритуал, практика редуцированная к лечению [traitement] поведения и направленная на реадaptацию индивида в своем социальном окружении. Все это означает отрицание Фрейда, покладистый психоанализ, в соответствии с общественным запросом.

Он это предвидел. Он говорил о трех позициях, которые невозможно занимать, как о трех невозможных занятиях: управлять, обучать и психоанализировать. Сегодня неважно, кто отвечает за управление, и все считают себя учителями. Что касается психоаналитиков, то, увы, они процветают [prosperent] в качестве волшебников и знахарей. Предлагать людям помощь для них означает верный успех и клиентуру за дверью. Но психоанализ – это другое.

– Что же именно?

– ... Конечно, это не философия, я ненавижу философию, уже очень давно она не говорит ничего интересного. Это даже и не вера, но мне претит называть это наукой. Скажем, что это практика, которая занимается тем, что не клеится, чрезвычайно сложная, потому, что она претендует ввести в повседневную жизнь невозможное и воображаемое....

– Что не клеится сегодня у человека?

– Присутствует большая утомленность жизнью, что является результатом гонки за прогрессом. Мы ожидаем от психоанализа, что он обнаружит, до каких пор мы можем продолжать движение, влача за собой эту усталость, это недовольство жизнью.

Р.С. Лакан, даже умирая (а умер он подобно Фрейду, от добровольно принятой инъекции, избавившей его от мук, причиняемых раком), отстаивал живость идей Фрейда, к пониманию и следованию которым он постоянно призывал. И перед смертью даже распустил свое детище – Парижскую Фрейдовскую школу, чтобы не дать живому делу умереть вместе с ним и переродиться в некую семейную разновидность культа мертвого вождя.

Его наследники, правда, предпочли все же мертвое живому...

Но это уже совсем другая история.

54. ЗАНИМАТЬСЯ ПСИХОАНАЛИЗОМ... ВОПРОСЫ БЕЗ ОТВЕТОВ

Недавно пересматривал запись одного круглого стола, не помню уже чему посвященного. Первая из выступавших, глубоко мною уважаемая и даже порою меня восхищающая Нина Савченкова, начала свою речь словами: «Поскольку я занимаюсь психоанализом, я...». Меня, я помню, зацепила эта преамбула и подтолкнула к таким вот размышлениям.

Вот Нина, она – философ. Она «занимается психоанализом». Что это значит – заниматься психоанализом в качестве философа? Я знаю ответ на этот вопрос, сам был изначально философом и не до конца еще преодолел этот иску́с. Если кто попросит, я разверну свой ответ в комментариях.

Но здесь и сейчас поговорить я хотел не об этом.

Мы знаем, как психоанализом занимается философ.

Мы знаем, само собой, что происходит, когда врач начинает «заниматься психоанализом». Об этом мы знаем много, поскольку по стечению обстоятельств первый психоаналитик как раз был врачом и приложил свой анализ именно к этой профессии.

Немного мы знаем, что делает искусствовед, когда он «занимается психоанализом».

Смутно, но догадываемся, что происходит, когда психоанализом занимаются историк, лингвист или культуролог.

А психолог? А педагог? А... тут можно перечислять до бесконечности.

Чем впадать в дурную бесконечность вопрошания, лучше сконцентрироваться на главном вопросе: что это вообще значит – «заниматься психоанализом» в своей профессии?

Все ли профессии тут имеются в виду?

Если не все, то каков критерий отсева непсихоаналитичных занятий?

И есть ли вообще такая профессия – психоаналитик?

И что делает он, когда «занимается психоанализом»?

И это слово применимо лишь для обозначения особого типа организации психики по отношению в ее неосознаваемым ресурсам, типа верующего или же спящего?

Есть желающие подумать над этими вопросами?

55. О ДИСКУРСЕ ЛАКАНА

С опорой на собственный опыт полагаю, что авторитарный дискурс Лакана, вырванный из контекста его же бешеной креативности и реализуемый как некий продукт послакановскими школами, так активно востребован в России (и в Латинской Америке) во многом благодаря традиционной для этих культур реакции подчинения перед лицом БСЗ. Благодаря востребованности защиты в форме господского дискурса. И вынужденного (и одновременно – радостного) отказа от своей субъектности перед лицом Господина, всеведущего и всемогущего.

Фрейд сопротивлялся такой позиции, ему тоже навязываемой, и такой иллюзии, отыгрываемой психоаналитическим сообществом. А вот Лакан упивался ею. Упивался и одновременно её ненавидел, поскольку и вправду был психоаналитиком. В отличие от многих «лаканистов»...

Вот сказал я это и что? Какие выводы из этого можно сделать?

А никаких, кроме игры словами. Интересное слово – вывод... В той сфере, которую мы здесь обсуждаем, где довлеют уникальность, текучесть и неопределенность, выводы подобны модному дефиле. Промелькнут мимо какие-то фигуры, одетые странно и вызывающе. И исчезнут навсегда. Но останется импульс креатива, заразительного и уже не столь опасного...

А позиция без такого вывода её на подиум – вершина гордыни. Когда модельер шьет только на себя и сам собою любит в зеркале.

56. ПЛАТОН И АРИСТОТЕЛЬ

Уже немало столетий вся наша человеческая жизнь выворачивается наизнанку и выстраивается по идеологии, предложенной Аристотелем. Где во главу угла ставятся истина и удовольствие. Уже немногие сопротивляются этому искусству, помня о платоновских приоритетах – красоте и общественном благе. И я рад, что среди этих немногих есть и наша глубинная психология. Хотя и у нас активны агенты Аристотеля, пытающиеся подменить миссию и выдать нас за торговцев услугами по «улучшению качества жизни» гедонистов, страдающих от конфликта своей гордыни с волей БСЗ...

57. ШЕКСПИР

Из шекспировских персонажей мне наиболее по душе роль Горацио... Он призван уходящими, по безумию, по подлости, по дурости, а то и случайно, в смерть героями рассказать людям об их трагической судьбе.

И проанализировать их одержимость Танатосом...

А психоанализ стоит того, чтобы жить. И оживлять с его помощью тени из подземного царства. И говорить с ними. И слушать их. И понимать смысл транслируемых ими глубинных истин.

58. ПРОБЛЕМА «ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИХ ДЕМОНСТРАЦИЙ»

На самом деле психоанализ, который некто проходит в присутствии аналитика, есть процесс естественный, который аналитику просто нужно запустить, а далее просто присматривать за тем, чтобы его «актор» не переходил ряд опасных границ (а в идеале – даже к ним не приближался). Для этого он, аналитик, и нужен как человек, уже имевший ранее этот особого рода опыт трансформации в измененном состоянии психики и понимающий природу происходящего. И никто, за этим таинством подглядывающий, ничего тут не поймет и ничему не научится.

Другое дело – психотерапия. Тут естественно как раз расстройство психики, а его лечение противостоит этой естественности, представляя собою волевое целенаправленное вмешательство. И потому демонстрация этого вмешательства, его техники и его процессуальности, имеет смысл. Если пациент согласен...

Но на самом деле он тут вообще не при делах, и наблюдают не за ним, а за тем, что с ним делают...

Но в «психоаналитической психотерапии» и такие эксгибиции вообще-то не приняты. По многим причинам, а в основном потому, что граница между психоанализом и терапией весьма условна. Можно даже сказать, что психоанализ как правило имеет побочный психотерапевтический эффект.

А вот «психоаналитическая терапия» вне таинства психоанализа этот эффект если и имеет, то черпает его из иных источников, из ресурсов «осознавания», суггестии, зависимости, дрессуры и т. п.

59. ПСИХОАНАЛИЗ И РЕЛИГИЯ

Любой переход от веры к знанию внешне выглядит примерно так: свет разума идет на смену тьме архаических страхов и предубеждений. Но если присмотреться ко всему этому взглядом, вооруженным знанием иного опыта, опыта тьмы, кстати – более древнего, чем наука и даже некая протонаука, то все эти рационализации предстают чем-то важным и даже интересным, но явно односторонним.

Мне тут всегда нравилась теория «двух книг» ранних итальянских гуманистов. Так вот, первую книгу, где фиксировался первичный, нуминозный, опыт общения с силами, нас создающими и нас тотально контролирующими, где обозначались технологии веры и ритуала, позволяющие эти силы делать менее жестокими по отношению к нам, эту книгу мы почти что забросили. И предались греховной гордыне всезнания и иллюзорного всемогущества. Отгребли за это по полной. И сегодня вроде бы начинаем ее, эту первую книгу, потихоньку перечитывать.

Я потому никогда и не спору по существу со сциентистами от психологии, что наши с ними «книги» вообще не пересекаются. Ни по смыслу, ни по содержанию. При этом у нас есть одно преимущество, своего рода – фора. Мы раньше начали и мы знаем – что такое наука, зачем она и почему...

А вот их «наука о душе» о том, с чем мы имеем дело не знает ничего. И не может знать. Вот, скажем, психологи – даже элементарных вещей, типа природы сознания, до сих пор прояснить не могут. Не говоря уже...

60. МИФОЛОГИЯ

Развенчивать мифы – как чесать, где чешется... Занятие бесполезное, но поначалу приятное. Иногда, правда, можно дочесаться до боли. Но мы знаем, что даже боль есть лишь привлечение нашего внимания к чему-то, происходящему в нас и никоим образом не подвластному нашей воле. Привлечение внимания и намёк на то, что если мы продолжим игнорировать его волю или, не дай бог, сопротивляться ей, эта боль перейдёт в болезнь... Живые мифы вообще не стоит анализировать. Если же хочется поиграть и в эти игры, то есть греческая мифология – универсальный тренажёр...

Все те ученые, которые стремятся к развенчанию мифов, как правило имеют в виду вторичные и даже третичные образования, чаще всего – идеологемы (активные или же остаточно-инерционные), которые используются в целях политической манипуляции массами. Мифы же – это нечто гораздо более серьезное, страшное и не подлежащее строгой и понятной рационализации. А точнее – подлежащее рационализации только как защите, как способу отгородиться от них и их власти над нами многобуквенными стенами и иллюзорной логикой. Но эта логика не схватывает мифа (у которого нет смысла и логики). Миф – это длящаяся энергия былого взрыва, переживанием которой мы и живем. Любого рода исследование тут порождает лишь парадоксы.

Вспомни хотя бы классику – Зенона с его апориями.

61. ОБ ОДНОМ СОВРЕМЕННОМ МИФЕ

При работе с современными мифами есть одна тема, которую «почему-то» никто не хочет обсуждать. Значит – он ей должен высказаться психоаналитик...

Цивилизационный конфликт, возникший на фоне война на Ближнем Востоке и новой волны «переселения народов» в Европу, почему-то описывают как конфликт между древней европейской цивилизацией, производной от античности, и варварством, сплотившимся под зеленым знаменем ислама.

А это не так. Все обстоит с точностью до наоборот. Завоевавшие и разрушившие до основания античную цивилизацию варвары – гунны, готы, англосаксы, лангобарды, были с огромным трудом цивилизованы церковью и стали современными немцами, французами, итальянцами и пр. Начавшийся в конце 18 века процесс их выхода из-под церковной опеки завершился именно сегодня. Религию они послали на небольшое количество букв и коштунство над святынями превратили в новую святыню, став коллективным «Шарли».

Аларих и Атилла снова живы и ищут нового врага. И враг нашелся – религиозно, т.е. враждебно для варварской ныне Европы, организованный мир ислама. С цивилизационной точки зрения сегодняшний ислам – это последняя крепость перед лицом нового варварского завоевания. Как бы парадоксально это ни звучало, именно ислам сегодня стоит на страже тех традиционных ценностей, которыми по праву гордится человечество: на страже традиционной семьи, уважения к старшим и к власти имущим, бытовой и храмовой религиозности, национально-ориентированной культуры. Он начал играть роль коллективного супер-Эго, навязывая новым дикарям хоть какие-то культурные ограничения. И уже это вызвало многомиллионный протест – мы все – «Шарли», мы хотим и можем осквернить любые святыни!

P.S. Кстати, в 1920 году Зигмунд Фрейд, рассуждая об истоках антисемитизма в современной ему Европе, выдвинул остроумную версию. Европейцы ненавидят не евреев, а христианство, в священных книгах которого речь идет исключительно о перепетиях истории еврейского народа. Они просто «плохо крещены», писал он, и при малейшей возможности сбросят иго религиозных ограничений и вернуться к варварской архаике. Так случилось при Гитлере и Муссолини. Так случается и сегодня, прямо на наших глазах. Все забыли, что случилось, когда Гитлер освободил германцев от религиозной морали. Забыла и Меркель, что партия, которую ныне возглавляет, создавалась некогда именно как политическое выражение христианской религии.

P.P.S. И последнее. В 1938 году, накануне своей смерти, предчувствуя наступление глобального военного катаклизма, Фрейд программно провозгласил: нам нет смысла сегодня оппонировать христианским священникам и их Церкви. Они – наши единственные единомышленники перед лицом возрождающегося варварства.

62. ОБ ЭДИПАЛЬНОЙ СЛЕПОТЕ

Поскольку Фрейд некогда предложил нам метафору аналитика как Эдипа – добровольного слепца, не пожелавшего видеть мир, где довлеют иллюзии, скрывающие грех и преступление, то геометрия мира психоаналитичности выступает как нечто странное и одновременно – простое до гениальности.

Слепой геометр вглядывается лишь в себя и меряет окружающую его черноту лишь собой, своим прошлым опытом и пониманием своих реакций на запредельные его опыту раздражители. И тогда он и вправду «не совсем слеп». По крайней мере – по сравнению с теми, кто, почитая себя зрячими, видят лишь мир иллюзий, выстроенный по лекалам воли неведомого им геометра.

63. О МОНАДЕ И «ДИКИХ» ПСИХОАНАЛИТИКАХ

Можно говорить о психоанализе как описании сложной системы взаимоналоженных отражений на внутренней поверхности замкнутой сферы (монады). Причём геометрия (и логика вообще) этой системы фиксируется лишь одномоментно и постоянно меняется в зависимости от неопределенного количества факторов. Как-то так, в первом приближении...

Самое тут парадоксальное, что мы не знаем, а что именно эти отражения отражают...

«Дикие» же психоаналитики видя только себя во всех отражениях и фиксируют эти видения в качестве объектов своего внимания и воздействия. Им проще живется, их мир предсказуемо искривлен.

64. ОБ ИНТЕРЕСЕ МАТЕМАТИКОВ К БСЗ

До Фрейда многие не только рассуждали о БСЗ, но и исследовали его. Яркий тому пример – доклад 1875 года в Казанском университете доцента-математика А.И.Смирнова «О сознании и бессознательных духовных явлениях» (позже из этих исследований родится казанская школа российского психоанализа).

Обычно волны интереса к БСЗ психическим процессам накатывали либо от философов, либо – от врачей. Но математики?..

Для меня до сих пор появление математики и применение математических методов (да и любого обобщения) было маркером антипсихоаналитичности. Ведь тот, кто желает нас сосчитать, априорно отрицает нашу уникальность. Уникальность столь принципиальную для ПА, что ЗФ даже неоднократно запрещал привлекать к текущему анализу материалы предыдущих сессий. Поскольку сегодня к нам пришел уже не тот человек, что был вчера...

P.S. И все же я часто завидую математикам в режиме зебры: и по-черному, и по-белому. Как славно творить миры с прозрачной логикой, но как быстро парадоксы этой логики демонстрируют невозможность реализации этой мечты.

Но в любом случае математика, хочет она того или же нет, создает нам карты бессознательного, описывая и логически структурируя самые далекие от «реальности» внешнего опыта закоулки нашего «вечного блокнота». Остается только понять происходящее, развернуть фронт интерпретации в сторону БСЗ как «реальной реальности» и математика с психоанализом обязательно рано или поздно встретятся, чтобы не расставаться больше никогда.

Ну а если этого не случится, то математики, изучающие БСЗ по ту сторону экрана, начнут формировать себе еще одну реальность и уйдут уже в чистое фэнтези. У нас это называется синдромом всемогущества мысли...

Вы спросите, а чему же тут завидовать? Хотя бы системной социализации и социальному статусу людей, фактически занимающихся систематизацией бредовых фантазий (играми разума) о «природе всего» и со времен Эвариста Галуа решающих ими же придуманные загадки, вообще не имеющие аналогов в мире физических объектов.

Вот что значит – правильно себя поставить и изначально объявить себя «царицей наук»!

65. ПОДУМАЛОСЬ...

Вспомнил вдруг, что по-английски и сознание, и совесть обозначаются одним и тем же словом – «conscience»...

Что само по себе интересно. Ведь в точном переводе «conscience» – это способность генерировать оценочные суждения. В английском языке нет понятия совести, тождественного русскому ее пониманию. Такое бывает, в частности – так было у древних греков.

Люди, принадлежащие к культуре, не ведающей совести как интериоризированного агента контроля и аутоагрессии, склонны к проективным ее олицетворениям, т.е. по простому говоря – к генерированию злобных глюков и общению с ними в режиме искупительного служения.

Но в любом случае люди с таким типом психолингвистического программирования и вправду далеки от «русскости» футбол от черной металлургии.

Но еще интереснее другое. Получается, что БСЗ по-английски это – бессовестность? То-то меня все время так неприятно раздражает все то, что на англоязычном поле выросло из мести Эрнеста Джонса за неудавшуюся попытку стать фрейдовским зятем.

66. ПРОБЛЕМА «ДЕМОНСТРАЦИОННЫЙ СЕССИЙ»

Проблема допустимости «демонстрационных сессий» проводит четкую грань между психоаналитической психотерапией и психоанализом. Поясню на примере: одно дело – допускать студентов к наблюдению за гинекологическим исследованием, а совсем другое – допускать постороннего к наблюдению за своей интимной сексуальной жизнью...

67. О СЧАСТЬЕ И НЕСЧАСТЬЕ

Психоаналитическая психотерапия несомненно показана в ситуации несчастного случая, особенно, когда эта ситуация становится навязчивой в режиме бсз-принудительного повторения. Но я писал не о ПАПТ, а о психоанализе. Который сам по себе настолько разрушителен для иллюзий счастья, что любое несчастье выступает по отношению к нему выигрышной альтернативой. Которая переформатирует психику, мобилизует и тестирует все её защитные ресурсы. Вспомним хотя бы «кейс» Иова... Но когда (или – если) такая мобилизация терпит фиаско – наступает время психоанализа. Вот тут он и желателен, и незаменим.

Несчастливым случаем является для нашего сознания, нарушая «нормальный» ход вещей, а для БСЗ несчастный случай – это счастливая возможность для инсценировки содержимых, не способных проявиться другим способом.

Лично я всегда полагал, что любой несчастный случай сам по себе имеет защитный потенциал и является альтернативой психоанализу, делая последний не только ненужным, но и нежелательным. А вот счастливый случай – это наша надежда и опора...

В любом «несчастье» БСЗ отыгрывает свои позывы и оставляет нас на время в покое. Любое же «счастье» громоздит иллюзии и приманивает тем самым репрессию со стороны БСЗ. В этой дилемме психоаналитическая позиция обычно обозначается как «героический пессимизм»...

68. ПСИХОАНАЛИЗ И СЕКСУАЛЬНОСТЬ

Изначально в психоанализе сложились две стратегии личного отношения к сексуальности: путь Фрейда (т.е. тотальной и безоговорочной абстиненции) и путь Гросса (т.е. путь оргиастической вседозволенности).

И речь тут идет даже не о личном выборе, а о запросе культуры на определенный тип персональной психоаналитической репрезентации.

В России в 90-е годы мы все пошли по пути Гросса. Позднее, каждый по свои причинам, в той или иной мере вернулись к Фрейду.

Но вот рефлексии по этому поводу, персональной или же корпоративной, я пока что не встречал.

69. ЕСТЬ ВОПРОСЫ К ПСИХОАНАЛИТИКУ?

Если есть вопросы, то нет веры, нашего главного, а порою и единственного ресурса. Ну а если нет веры, то ничего и не случится.

Сколько раз в неделю ни ходи...

P.S. Сеттинг же сам по себе во многом случаен. В нем главное – фрустрационная незыблимость, которая ложится значимым грузом на ту чашу весов, отвечающую за регрессию.

И, следовательно, за веру, надежду и любовь...

70. ВЫБОР КАК ТРАВМА

Все верно, любой выбор есть травма...

И потому именно наличие выбора рождает почву для внутренних конфликтов, ту самую почву, где психоанализ собирает свои урожаи.

71. МЕМУАРЫ

В мемуарах человек пишет только о себе и о своих отражениях в мнениях об окружающих.

Но об эпохе из мемуаров и вправду можно составить определённое суждение. С учётом того, конечно же, что ты видишь эту эпоху глазами конкретного человека.

Но никаким иным способом нам в прошлое не попасть. Объективного прошлого вне его конкретного субъектного восприятия просто не существует...

72. ЗАКОН О ПСИХОАНАЛИЗЕ

Самое худшее, что может случиться с психоанализом – это его законодательное закрепление в том или ином статусе.

Если выходить за рамки самоанализа (что, кстати, совершенно не обязательно), то можно сказать, что мы занимаемся установлением между людьми платных и внесексуальных интимных отношений.

И куда это можно юридически «пристроить»? Если только к особо изощренному варианту проституции...

73. НЕ-ЛЮБОВНЫЙ ТРЕУГОЛЬНИК

Фрейд уже в «Толковании сновидений» настаивал на четкости и непрозрачности границ, отделяющих психоанализ от терапии, философии и психологии.

И мы потому не можем не радоваться, когда видим, что и государство начало действовать в том же направлении, четко маркируя эти границы. Иначе нельзя.

Никакая этика и ответственность не удержит от нарушения границ профессиональной компетенции в ситуации дефицита кормовой базы...

74. ПСИХОАНАЛИЗ КАК ИЗБАВЛЕНИЕ ОТ ИЛЛЮЗИЙ

Психоаналитическая концепция избавляет нас от иллюзий... И что – кто-то из психоаналитиков может такое утверждать? Что-то не верится. Тут достаточно напомнить, что свои «теоретические опоры» мы формируем именно в статусе вторичных (оперативных) иллюзий. Формируем, чтобы наш выход за пределы иллюзий обыденного опыта не привёл к катастрофе саморазрушения. Ну и для того, конечно, чтобы, подобно прочим иллюзионистам, отвлекать внимание от наших манипуляций.

Если же мы начнём «избавляться от иллюзий» с опорой на «знание», то магия нашего таинства, носящего по Фрейду характер «длящегося колдовства», сразу же потеряет свою действенность.

Фокусы с последующим разоблачением нынче не в моде. Нынче опять всем потребно чудо. А это значит, что иллюзии следует холить и лелеять, наполнять энергетикой веры, а не избавляться от них. Разве что – продавать...

75. О ПОДГОТОВКЕ ПСИХОАНАЛИТИКОВ

Психоаналитическая подготовка, изначально заточенная на перспективу анализа других людей, порочна по определению.

Психоанализ – это анализ самого себя и усвоение скрытых внутренних ресурсов собственной психики. И это происходит именно в анализе и приводит к прояснению своих желаний и иллюзий. Если после этого анализанд упорно желает «лечить людей» и при проработке такое желание не признается опасным, т.е. инфантильно-компенсаторным, то аналитик может рекомендовать его к клиническому обучению.

Что же касается заработка, то психоаналитики-исследователи и преподаватели психоанализа (не говоря уже о «прикладниках», работающих в сфере организации и регулирования массовой психодинамики) везде неплохо зарабатывают. А почему? Может климат там не тот? Нет, просто они производят продукт, остро необходимый людям.

А питаться исключительно подранками культуры вместо того, чтобы качественно работать в самом её теле – это, коллеги, признак слабости и недостаточной квалификации.

76. ФРЕЙД И ЛАКАН

У Фрейда была одна идея, которую в каждой социокультурной среде психоаналитикам следует реализовывать оригинальным способом. И которую он реализовал сам в своём «проекте Моисея». Идея о уязвимости человеческой психики перед лицом БСЗ как совокупного культурно-национального опыта и возможности компенсации этой уязвимости и гармонизации отношений человека и культуры.

А вот Лакан от этой идеи отошел, а точнее так до неё и не добрался. Ему было интереснее играть словами и потому у него получилась не школа психоанализа, а вариант структурной психолингвистики.

Но зато Лакан был предельно оригинальным, этого у него не отнять. Он не оставил от Фрейда ничего, кроме имени. Или отдельных слов, которые вытаскивал из фрейдовских текстов и жонглировал ими, как хотел...

Но все же и Фрейда, и Лакан предоставили нам опыт построения оригинальной психоаналитической школы в рамках определенной социокультурной среды (а также – места и времени). Следуя этому опыту мы и должны создавать отечественный психоанализ, уклоняясь от навязываемых нам шаблонов.

Наша проблема тут, как мне кажется, заключается в том, что нет того лидера, по личностной модели которого мы бы эту школу построили. Потом бы мы его, как положено, свергли, «убили» и отреклись от него. Но навязчиво бы воспроизводили его бредни, считая их «учением».

В 20-е годы таким был Иван Ермаков. Сегодня такого лидера нет; да и вообще мало стало «настоящий и буйных» психоаналитиков, черпающих ресурс «инсайтов о БСЗ» в себе, а не в других... Но ничего, тут нужна атмосфера, а люди подтянутся.

Такое уже было в начале 90-х. И, я думаю, повторится вновь...

77. МЕТАФОРА О НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ ПСИХОАНАЛИЗА В РОССИИ

Представьте себе поле, оттаивающее после длительных заморозков. Пережившие морозы семена начинают давать всходы, но тут приходят опытные селекционеры и объявляют их сорняками.

Признающих себя сорняками бережно изымают из родной почвы, переносят в теплицу и там выращивают на гидропонике. Оставшиеся же ростки, которых в силу их корявости на гидропонику не взяли, тоже рано радуются. Их начинают поливать ядохимикатами, основанными на чужеродном опыте растениеводства, заставляя атрофироваться их корешки и стимулируя верхушки к бурному росту. К росту, но не цветению и не плодоношению. Этого не будет, данный яд делает растения бесплодными.

Внешне при этом все выглядит благопристойно – все вокруг растет и зеленеет. Но эта зелень не даст новых семян, а выросшие на гидропонике мутанты на почве, когда-то бывшей родной, тоже не приживутся. В лучшем случае – будут жить в банке с видом на родное поле...

Так вот – под селекционерами я имею в виду ИРА, а вот среди торговцев ядохимикатами наиболее активны сегодня именно постлаканисты...

78. ФРЕЙД И РОССИЯ

А кто сказал, что Фрейд должен быть комплиментарен к нашей русскости? Для последнего он слишком европеец, тут г-жа Рудинеско абсолютно права.

Судя по итоговым выводам о «русскости» как психотипе, основанном на архаичной амбивалентности, этот вот фрейдовский пассаж следует отнести на наш общий счет: *«Кто же попеременно то грешит, то, раскаиваясь, ставит себе высокие нравственные цели, – того легко упрекнуть в том, что он слишком удобно для себя строит свою жизнь»...*

И сразу же становится понятным пафос отношения к русским как таковым, глубинная природа которого была описана Фрейдом на примере отношения к собакам. Пафос агрессии и зависти, негодования и восхищения.

Я в своей работе о «русскости на кушетке» проанализировал все это следующим образом: *«Нечто подобное Фрейд описал в «Неудовлетворенности культурой» по поводу бессознательного негативизма, питаемого представителями европейской культуры к своему четвероногому другу – собаке. Пожирая свои экскременты, собака напрягает наши, не столь уж прочно преодоленные инфантильные желания и становится объектом культурной агрессии (по крайней мере, как отмечал Фрейд, в языковом пространстве).*

«Русскость», рассматриваемая как культурное сообщество, подобно этой собаке. Столетиями соседствуя с западной цивилизацией и культурно питаясь ее обьедками, мы всегда на шаг отстаем от нее в психоисторическом развитии, самой своей неразвитостью провоцируя желание нас уничтожить как живое напоминание о не столь давно и не столь прочно преодоленной собственной неполноценности. Стоит напомнить, что Фрейд успел вскрыть природу еще нескольких векторов культурного отталкивания, потенциально заложенных в пространстве западноевропейской цивилизации.

Его исследования основ западноевропейского антиамериканизма и антисемитизма по сей день являются преступно мало востребованными шедеврами психоанализа филогенетических культуральных схем, конфликты которых определяют, в конечном счете, ход мировой истории».

Итак, Фрейд предельно критичен к русскости. И это хорошо, поскольку дает нам право не возвращаться к нему, а идти вперед, опираясь на свою идентичность.

Так точно им описанную; но описанную извне, взглядом Другого.

Что же касается нашего, по Фрейду, «слабого места» – склонности к «поклонению царю и христианскому Богу, к русскому мелкодушному национализму», то в данной оценке он переходит границу аналитической компетентности. Возможно, что с его точки зрения, с отстаиваемой им позиции просветительского иудаизма (Хаскалы) и великодушного еврейского национализма, мы именно таковы. Но это не наша проблема...

Тут он просто нарушает свои собственные принципы говорить только о себе и о своих актуальных переживаниях. А может и не нарушает...

79. О ПСИХОАНАЛИТИКАХ-ИССЛЕДОВАТЕЛЯХ

Хочу поделиться здесь еще одной мыслью, которая может прояснить мое понимание статуса «психоаналитиков-исследователей». Даже не мыслью, а примером.

В период «высокой античности» бытовала практика своего рода психотерапии, основанной на фрустрации сексуального желания и на вербальной суггестии. Проводилось все это на кушетках, примерно так же, как и сегодня. Об этом много писал в то время Аристофан, упоминал об этой практике и Гарольд Стерн в своей популярной в России книге «Кушетка».

Одним из виртуозов этой модели терапии, был известный нам всем Сократ. Но вот один из учеников и «анализандов» этого Сократа (кстати говоря, казненного за новации в области психотерапии, за подмену суггестии «майевтикой», т.е. стимулированием укрепления Эго клиента) – Платон, по итогам своего анализа не просто зафиксировал в диалогической форме ряд подобного рода терапевтических сессий, но и создал философскую концепцию того, что происходило в ходе такой терапии. Что позволило ему описать универсальные механизмы управления людьми.

Так вот – терапия та исчезла и сегодня мы даже не знаем точно, как и что там происходило; можем только догадываться. А вот ее философская составляющая не только сохранилась, но и воспроизводится до сих пор. Причем весьма профессионально и весьма массово...

О чем-то вам говорит такая аналогия?..

P.S. Кстати, слово «клиент» – оно оттуда же, из античности, и происходит от слова «слушать» и «повиноваться»... Во времена же Цицерона в римском обществе была сформирована особая диадная пара – «патрон», как советник и защитник, и «клиент», как опекаемый и просящий совета...

P.P.S. В СПбГУ, к примеру, готовят «врачей-исследователей». Никому из них и в голову не придет открыть приём больных. Так же как и академическому теологу – пойти на служение в Храм. Просто разные компетенции, как ныне модно говорить. К тому же освобождение подготовки психоаналитика от терапевтической установки, когда весь мир делится на аналитиков и пациентов, спасёт такой тренинг от множества искажений.

80. О ПСИХОАНАЛИЗЕ «НА НОВОМ МЕСТЕ»

Эта тема проста, но слишком деликатна для публичного обсуждения. Но все же скажу об этом кое-что. Изначально и на каждом новом месте (недавно, кстати на дискуссионной площадке ИРА прошла очень содержательная дискуссия как на тему «Психоанализ на новом месте») психоанализ организуется в виде некоей поначалу неформальной группы единомышленников (типа фрейдовского «Тайного комитета»), которые решают – что мы тут будем понимать под психоанализом, чем заниматься и как размножаться (в аудиториях и на кушетках).

На новом месте главная задача такой группы – обеспечить защиту от давления инокультурных психоаналитических миссионеров, прежде всего – от тотального давления ИРА.

Изначально, возрождая российский ПА в постперестроечное время, мы так и сделали, но потерпели два поражения. Первое в 1996—98 годах, когда не смогли реализовать союз психоанализа с государством после известного указа Ельцина. А второй – на пороге 2010 года, когда НФП как наиболее массовое объединение российских психоаналитиков, стоящих на «почвеннических» позициях, была трансформирована в локальное объединение членов Европейской конфедерации психоаналитических психотерапий (ЕКПП), т.е. потеряла и свою психоаналитичность, и свое почвенничество.

Сейчас возникла новая возможность – резко и публично отсечь от отечественного психоанализа всех расплодившихся «иностранных агентов» (ориентированных на Вену, Париж, и пр.) и заново сформировать российский психоанализ на «почвенническом» основании. В том числе – и с опорой на отечественную школу психиатрии и психотерапии (тут предельно интересны достижения Института Бехтерева в сфере психодинамической психотерапии).

P.S. Ну а то, что сегодня в России психоаналитиков нигде не готовят, это правда. Но это поправимо... Тем более, что новых проектов подобного рода немало. Да и некоторые старые (в частности, институт Елены Спиркиной) все еще держат планку. К тому же опыт создания психоаналитических институтов как среды, рождающей психоаналитиков, у нас есть...

Но в любом случае тут не нужно ставить телегу впереди лошади. Институты появляются тогда, когда уже есть система тренингового анализа, откуда по рекомендации своего аналитика приходят для обучения (причем – штучного, а не массового; т.е. это не бизнес, а некое условие воспроизводства нашего сообщества) кандидаты, продемонстрировавшие предрасположенность к психоанализу и согласные на дальнейшие мучения по его ментальному и деятельному усвоению.

81. О ТРЕНИНГОВОМ АНАЛИЗЕ

Вброшу в огонь нашей дискуссии ещё одно полено. Полагаю, что в условиях нынешней явной деформации изначального понимания смысла и процедуры «психоаналитической терапии» было бы логичным строго настрого запретить «психоаналитическим психотерапевтам» заниматься тренинговым анализом. Взялся лечить (а Фрейд категорически заявлял, что мы принципиально никого и ни от чего не лечим) – лечи и применяй отдельные элементы психоанализа в таком лечении. Но уход из психоанализа в прикладную практику не позволяет тебе претендовать на «рождение психоаналитиков».

Это как в семье – отец где-то зарабатывает деньги, а мать дома воспитывает детей. Отец может, конечно, завести детей на стороне, но это будут дети не нашей семьи...

82. ОБ ИСТОКАХ РОССИЙСКИХ УСПЕХОВ ЛАКАНИСТОВ

Тут есть, конечно же, некие общие корни, в том числе и языковые. Помнится, что Сашу Пушкина только к четырем годам начали учить русскому и он всю нашу словесность выстроил как кальку с родного французского.

Но в данном случае обе работающие на Россию группы постлакановских миссионеров (и Сорбонна-5 с PPS, и Сорбонна-8 с NLS) изначально воспринимались нашей метущейся интеллектуальной прослойкой как нечто близкое и знакомое в силу крайней левизны этих групп.

Святость идей Великой революции, воинствующий атеизм, критика капитализма, интернационализм, марксо-фрейдизм, и т. п. Кто еще мог так понравиться нам на исходе «совка»? Разве что Эрих Фромм.

Ментально – свои в доску, да еще и из Парижу. Да еще и сами за все платят и учат бесплатно...

Кстати и к «латиносам» лакановцы подъехали на этой же «хромой кобыле». Хромой, потому что левачество ныне выходит из моды.

Кстати, даже во Франции...

83. О НАЦИОНАЛЬНОСТИ БСЗ

В БСЗ нельзя ничего «открыть» – оно абсолютно трансцендентно, недоступно познанию. Можно лишь предлагать те или иные модели и описывающие их рационализации.

К последним принадлежит и структурализм, который, в том числе и по национально-языковым основаниям, пропитывает англоязычный и франкоязычный варианты психоанализа.

Не таков психоанализ Фрейда, явно не таким растет на наших глазах (вопреки активности заезжих структуралистов) и русскоязычный психоанализ.

Переформатировавшись структуралистски, психоанализ смог вписаться в тенденции второй половины 20 века: оторвавшись от своей изначальной почвы – интересов культурно-национальной и языковой общности, формирующей свою уникальную идентичность в условиях цивилизационной катастрофы (революции, миграции, и пр).

Сегодня же, в начале 21-го века, структуралистский глобализм резко выходит из моды. И опираться сегодня приходится не на насилие над БСЗ, а на принятие его воли. И на понимание того, что воля эта всегда уникальна и не структурируема. В том числе – и будучи проявлена в дискурсе. Если при этом все же посматривать в сторону Франции, то учиться сегодня следует у коллег из «Четвертой группы», последователей Ж.-П. Валабрега.

Ну а если вернуться к классике, то стоит вспомнить, что именно на материале своего «русского пациента» Фрейд и разработал концепцию национальности БСЗ, описав этот пласт последнего как некую прослойку между вытесненными содержаниями и первичным, животным-инстинктивным, одержимым первичными позывами, «котлом влечений».

84. ВСЕ МЫ – ПОБЕДИТЕЛИ...

Рассуждая о тотальности власти БСЗ над нашими телами и душами и ужасаясь своей несвободой, мы как-то не задумываемся о результатах этой власти и этой несвободы.

Ведь все мы с точки зрения той истории, которая тянется за нашими телами и в обобщенном виде обозначается нами как БСЗ, «успешники» и победители!

И генетически, поскольку поколения именно наших предков выжили и дали потомство. Именно этот опыт их выживания, кстати говоря, и «вдалбливает» нам это самое БСЗ.

И персонально. Особенно впечатляет наш персональный успех в изначальном забеге сперматозоидов...

Вот это был марафон, где победителю досталось все!

И эти победители – мы с вами...

85. О ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИХ ИГРАХ

Вообще-то психоаналитик должен прятаться целиком. Прятки – это наша профессия. А вот жмурки – это наш способ маскировки в обыденной коммуникации. Тут все нужно прятать – и всезнание, и всевидение. И гулять с широко закрытыми глазами... И говорить, ссылаясь на завет ЗФ из Толкования сновидений: *«Нужно закрыть глаза!»*...

Иначе сработает эффект Вия. И кому это надо? К тому же у психоаналитиков, как, впрочем и у актеров, нет души... Мы – вампиры, питающиеся чужими душами. Вот это и скрываем... Или не скрываем, ведь рано или поздно настает пора выйти из тени своих кабинетов и, открыв веки, увидеть... И предъявить этому миру увиденное нами как его истинный вид и истинный смысл...

86. БРЕНТАНО

В основе психоаналитической онтологии лежат идеи Brentano, а прежде всего – его теория интенциональности любого психического акта. И понимание того, что образ собора, воспринимаемый и переживаемый нами, перед нами и локализован. Нет никакого раздвоения на объект и его «отражение» в нашем мозгу (сознании, сетчатке глаза, и пр.). Есть единый объект нашего переживания, интенционально сформированный нами на базе прошлого опыта и его проективных репрезентаций.

87. ВУНДТ

Вундт, которого по праву считают представителем антипсихоаналитической парадигмы, взялся в свое время за неразрешимую задачу – создать науку о психике. Т.е. найти в среде тотальной сингулярности нечто повторяемое и математически исчисляемое. Потому его так любят и помнят все те, кто продолжает двигаться по этому пути. Нашел он, как известно, только динамику психофизиологических реакций. Мы же идем иным путем, проложенным для нас Brentano – оппонентом Вундта и учителем Фрейда. Так что не надо здесь упоминать Вундта. Он икона наших противников и нам на нее положено только плевать...

88. О ДЕМОНАХ БСЗ

Меня, как философа по юношескому выбору, как-то поразила одна удивительная информация. О том, что первая бригада советского спецназа была сформирована в 1943 году на базе бригады народного ополчения, куда были мобилизованы студенты и преподаватели философского и исторического факультетов МГУ.

И судя по подвигам этой бригады – это были великие воины и герои.

Я понимаю, что по сравнению с Израилем наша внешне проявляющаяся принадлежность к спартанскому типу цивилизации сегодня не так явно выражена. Но для того, чтобы демоны проснулись, нужна реальная угроза.

Ну а в том, что они в нас живы – сомнений нет. Как психоаналитик я готов это подтвердить официально. И это ещё не самые худшие демоны. В свое время Юнга спросили – почему он не боролся с нацизмом? И он ответил – невозможно бороться с тем, чего желал весь народ. Мы, сказал он, слишком хорошо знали сны немцев, чтобы удивляться творимым ими зверствам...

И вот вопрос: а какого уровня должно быть воздействие и чем оно должно быть предварительно подкреплено, чтобы демоны БСЗ проснулись и захватили власть над людьми? Вот на днях обдолбанный африканец, бегавший по Нюрнбергу (!) в одних трусах, попытался надругаться над немецкой старушкой, а потом избил ее до полусмерти. Прохожие оттащили его от жертвы и держали до приезда полиции. Что им еще нужно, чтобы в них проснулись те белокурые бестии, которые вырезали 6 миллионов мирного российского населения? И уморили голодом в блокаду большую часть моей семьи...

Вспоминается кадр из фильма «Дежавю», где герой во время избиения начинает вспоминать, что он американский киллер, а не профессор энтомологии. И просит: «ударь меня исчерас!»...

Демонизация БСЗ-го всегда реактивна. И никакие бытовые удобства, квартиры, машины и даже яхты ее не переломят.

89. ЗАЧЕМ МЫ ПИШЕМ НЕЧТО ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОЕ

А зачем вообще мы пишем что-то психоаналитическое, фиксируя в тексте некие психические сингулярности (неповторимые переживания и основанную на них сиюминутную и уникальную рефлексию)?

По большому счету для того, чтобы найти себе подобных людей. Найти, вступить с ними в некий резонанс и опереться на эту конгениальность в попытках вывести свои уникальные переживания из опасной зоны социокультурной маргинальности (сопряженной, как известно, с зоной психопатологии, «ненормальности») на социализируемый участок дискурса.

А в случае психоанализа – на сформированный нашими предшественниками мейнстим, некую «колею», где можно расслабиться и не бояться.

Не бояться в том числе и разоблачения, играя роль доктора Айболита, будучи по своей природе классическим Бармалеем.

90. СПАСИБО ПСИХОАНАЛИЗУ

Спасибо психоанализу, что он оставляет нам право на тело. Жить в мире, созданным Юнгом – другим великим «живым мертвецом» – гораздо страшнее, там нет опоры на тело.

Но Я психоаналитика должно быть убито, тут без вариантов. Иначе мы будем отсечены от истинной реальности, в контакте с которой пребываем.

К счастью, в психоаналитической психотерапии все это не нужно. Хотя по традиции «психоаналитические психотерапевты» имитируют некоторые черты психоаналитиков. Но скорее принудительно (в режиме корпоративной навязчивости) и при малейшей возможности от них отрекаются. И, если честно, правильно делают. Быть психоаналитиком – тяжело, но притворяться им – невыносимо.

Мы, психоаналитики, живем в заколдованном мире, построенном для нас великим мертвецом. Перед убийством своего тела написавшем книгу о том, как смерть великого человека генерирует мифы, заколдовывающие целые народы.

Что же касается лично меня, то скажу так – в определенном смысле я уже давно умер. Другого входа в психоанализ просто нет.

91. ИМЯ ПСИХОАНАЛИЗА

Наш вроде бы такой сугубо мужской психоанализ изначально, в его немецком перевоисточнике, был дамой и писался в женском роде (как, впрочем, и в французской традиции).

Он даже звучит по-немецки как женское имя – «психо-анна-лииза»... И мы даже знаем эту Анну, рожденную и обретшую имя одновременно с этим термином...

И знаем ее, этой «психо-анна-лиизы», мифологическое воплощение. Это Афина, рожденная из головы своего отца, богиня воинственной мудрости. Богиня, фигурку которой, пряча ее под одеждой и не желая расстаться с ней ни на миг, увозил в изгнание ЗФ в 1938 году.

92. МИФ ПСИХОАНАЛИЗА

Фантом Отца воскрешает и поддерживает только сыновья жертва. За пределами этой жертвенности Отец уже мертв.

Именно этот центральный изъян христианства позволил ЗФ объявить последнее массовым неврозом.

Но вот Дух отцовской креативности – воистину бессмертен. Все это верно и по отношению к самому Творцу психоанализа и сотворенному им мифу.

93. ПСИХОАНАЛИЗ И ПОЛИТИКА

Рассуждения ЗФ со товарищи о природе БСЗ и о способах избегания репрессивности этой природы (особенно на заседаниях ложи Бней-Брит) привело к серьёзной трансформации коллективного психотипа еврейской диаспоры в Европе. А вкупе с Холокостом – к созданию государства Израиль и изменению всей геополитической ситуации на Ближнем Востоке.

Не дай Бог таких последствий нашим беседам...

Психоаналитическое же рассмотрение политических событий весьма распространено сегодня и в Европе, и в обеих Америках. Вот у нас, правда, его нигде не встретишь со времен Арона Белкина. Но наши коллеги просто еще не поняли той трагической истины, которую ЗФ выразил в 1938 году такими вот словами: грустно осознавать, что мы занимались починкой птичьих клеток в горящем доме...

94. ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКАЯ ТРОИЦА КАК КАРТИНКА-РАСКРАСКА

Эпиграф: *«Не судите слишком строго о первой попытке сделать наглядным психическое, с таким трудом поддающееся пониманию»* З. Фрейд

Да и поддающееся ли? БСЗ настолько далеко от сознания (будучи вообще не представленным на экране восприятия, организуемого последним), что все наши попытки понять и проговорить природу БСЗ способны лишь исказить и без того искаженное представление о нем.

Так что же делать? Как что – попробовать представить (вообразить) БСЗ вне понятийной и вербальной нагруженности. И далее судить о нем по той эмоциональной реакции, которую сформирует у нас это представление.

Оно должно быть максимально очищено от следов «понимания», которое, будучи исключительно защитным образованием, лишь мешает подобного рода переживанию.

Как же это сделать? Я попробую вам об этом рассказать...

Но сначала давайте вернемся к Фрейду и его первой попытке сделать немислимое наглядным.

В начале 30-х годов, обращаясь к вымышленной аудитории (много говорить он уже не мог, но роль университетского профессора ему очень нравилась и он стилизовал свое послание к нам в виде лекций), он нарисовал для нас своего рода «психоаналитическую Троицу». Мы все ее помним, причем каждый – по-своему. На взгляд же Постороннего она напоминает дырявый снизу мешок, неплотно завязанный сверху; мешок, внутри которого невидимо, но ощутимо ворочаются, соприкасаются и постоянно порождают друг друга три ипостаси нашего Божества.

Но что нам до посторонних? Их восприятие дефектно изначально; так, к примеру, и рублевскую «Троицу» посторонний религии человек видит как скромное застолье трех юношей, отдыхающих в тени под пальмой. Верующий же видит ее иначе.

Так же и мы видим фрейдовский рисунок иначе. Но как – иначе?

При всей сакральности этого рисунка нельзя не согласиться с обоснованностью самокритичности его автора, назвавшего его неприязненным, чрезмерно схематичным и неточным, просившего не судить о нем слишком строго.

Проблема этого «изображения БСЗ» в том, что это не спонтанное и прочувствованное представление, а наглядный материал к воображаемой лекции, в который профессор умудрился к тому же поместить все без исключения свои предыдущие «модели и топиксы». Поместил и призвал поверить, что невидимо от нас они динамичны, что *«при функционировании они сами изменяются и временно регрессируют»*.

В итоге получился какой-то «кот Шредингера в мешке». Сам Фейд, само собой, это прекрасно понимал и потому решил переложить руль, и направить психоаналитический корабль в гавань эстетического переживания: *«Разделяя личность на Я, Сверх-Я и Оно, вы, разумеется, не имеете в виду строгие границы наподобие тех, которые искусственно проведены в политической географии. Своеобразие психического мы изобразим не линейными контурами, как на рисунке или в примитивной живописи, а скорее расплывчатыми цветовыми пятнами, как у современных художников»*.

Именно здесь, в этом художественном воплощении БСЗ, указывает Фрейд, психоанализ и сможет, завершая свою миссию, превратиться в креативный психосинтез: *«После того, как мы произвели разграничение, мы должны выделенное опять слить вместе...»*.

Подобного рода синтез всегда конкретен и, соответственно, цветовое наполнение изначального линейного контура, как в детской книжке-раскраске, полностью зависит от судь-

екта переживания, от его национально-культурного психотипа и его, как указывает сам Фрейд, мистического и творческого проникновения в тайны и глубины.

Какова же она – палитра нашего, российского, «психоаналитического окраса»?

Есть в нашей истории один коллега, называвший себя «апостолом сна и смерти», а наш психоанализ – «анатомическим театром души», который описал эту палитру и указал на ее, этой российской палитры представления БСЗ, каноническое творческое воплощение.

В продолжении этого материала я расскажу вам о нем и попробую пробудить ту связь, уже почти что прерванную, которая соединяет нас с ним и его единомышленниками. Которая позволяет нам представлять облик именно русского БСЗ и формировать на практике именно российский психоанализ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.